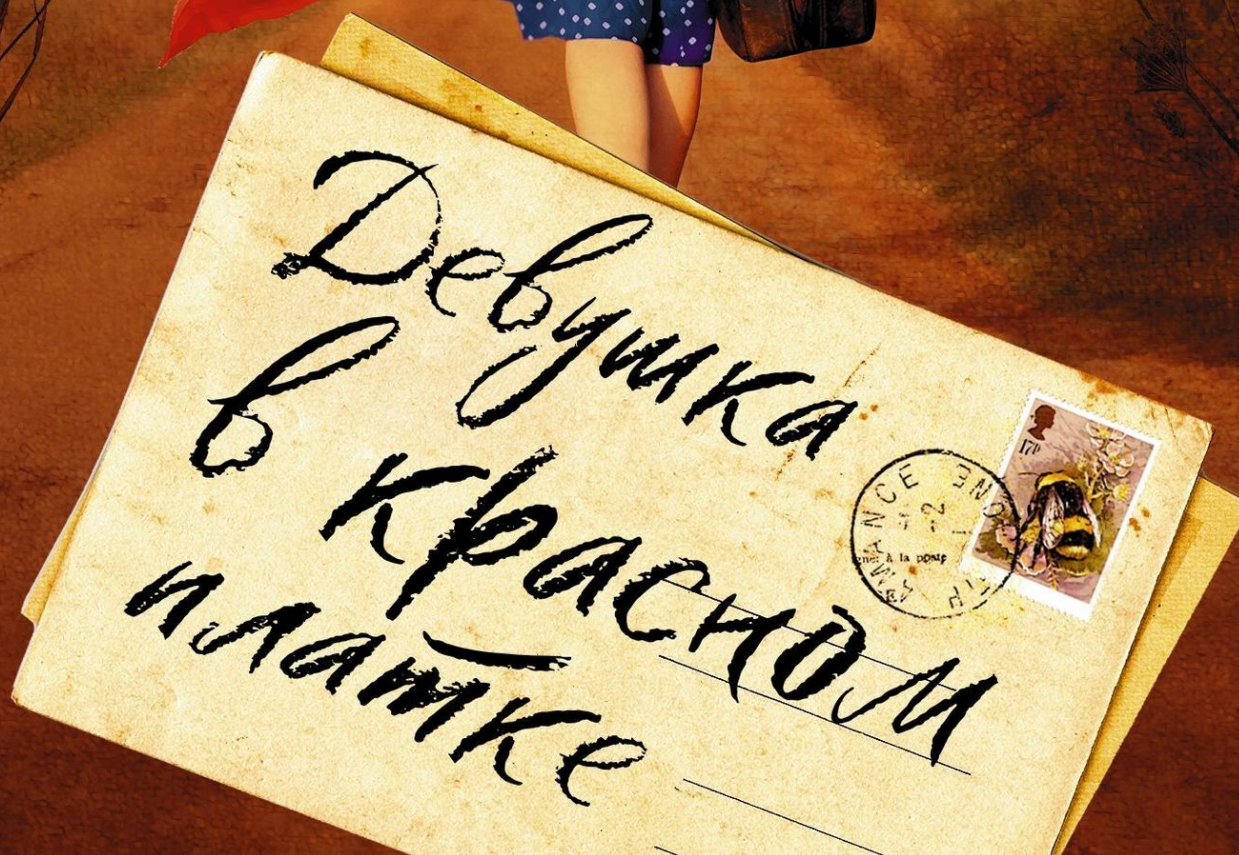

ФИОНА ВАЛПИ

BESTSELLER AMAZON

Когда мы были счастливы. Проза Фионы Валпи

Фиона Валпи

Девушка в красном платке

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(4Вел)-44

Валпи Ф.

Девушка в красном платке / Ф. Валпи — «Издательство АСТ»,
2018 — (Когда мы были счастливы. Проза Фионы Валпи)

ISBN 978-5-17-127500-6

Стремясь начать жизнь сначала и залечить разбитое сердце, Аби Хоуз соглашается на летнюю подработку в загородной Франции, в Шато Бельвю. Старое поместье буквально наполнено голосами прошлого, и очень быстро Аби погружается в одну из этих историй. В далеком 1938 году Элиана Мартен занимается пчеловодством в садах Шато Бельвю. Там она встречается Матье Дюбоска и впервые влюбляется. Будущее кажется ей светлым и прекрасным, но над восточными границами Франции уже нависает угроза войны... Война вторгается в жизнь простых людей, выворачивая ее наизнанку. Элиана и Матье вынуждены расстаться, и девушка принимает опасное решение встать на сторону Сопротивления, чтобы сражаться за свободу своей страны и за жизнь дорогих ее сердцу людей. Но смогут ли они, пройдя все ужасы оккупации, остаться верными себе и друг другу? От автора бестселлера «Парижские сестры» история двух необыкновенных женщин, разделенных поколениями.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-127500-6

© Валпи Ф., 2018

© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Часть 1	6
Элиан, 2017	6
Аби, 2017	7
Элиан, 1938	11
Аби, 2017	16
Элиан, 1938	21
Аби, 2017	23
Элиан, 1938	25
Аби, 2017	30
Элиан, 1939	32
Аби, 2017	35
Элиан, 1939	37
Аби, 2017	39
Элиан, 1939	41
Аби, 2017	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Фиона Валпи

Девушка в красном платке

Моей подруге Мишель, с любовью

Идите в ваши поля и сады, и вы увидите, что для пчелы – удовольствие собирать мед с цветка. Но и для цветка счастье – отдавать свою сладость пчеле. Для пчелы цветок – источник жизни, для цветка же пчела – вестник любви.

Халиль Джебран, «Пророк»

Пчела совершает «виляющий танец», чтобы передать своим товарищам в улье информацию о расстоянии до обнаруженного места сбора корма и направлении полета. Она «танцует» восьмеркой: делает полукруг по часовой стрелке, потом движется по прямой линии... и наконец делает второй полукруг против часовой стрелки.

Зимой пчелы перестают летать на поиски корма и собираются в клубок, в центре которого находится матка. Они вырабатывают тепло, работая летательными мышцами – «дрожжа», то есть быстро сокращая и расслабляя эти мышцы.

Ричард Джонс и Шэрон Суини-Линч, «Библия пчеловода»

Fiona Valpy
THE BEEKEEPER'S PROMISE

© 2018 Fiona Valpy Ltd
© Евстафьева Е, перевод, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2021

Часть 1

Элиан, 2017

Она знала, что это будет ее последнее лето. Даже теплое прикосновение ласкового майского солнца не могло побороть пронизывающую до костей усталость, которая теперь стала постоянной спутницей. Но ведь позади уже столько лет. Почти сотня. Она взглянула на вершину холма, в сторону маленького кладбища за виноградником, где лежали ее самые любимые люди. Они ожидали минуты, когда смогут ее приветить.

Рабочая пчела, одна из первых, отважившихся вылететь из улья этим солнечным утром, бестолково кружила в воздухе, пытаясь сориентироваться, чувствуя запах нектара в цветах, которые Элиан вырастила в саду. Пчела вилась вокруг нее, привлеченная запахами воска и меда, пропитавшими ее мягкую от старости кожу. «И тебе доброе утро, – улыбнулась она. – Не волнуйся, я пока еще вас не бросаю. Знаю, что впереди еще много работы».

Она опустила корзинку с рамками рядом с побеленными ульями, закрыла голову и плечи сеткой, прикрепленной к широким полям шляпы. Открыла первый улей, аккуратно сняв двускатную крышку, и склонилась ниже, чтобы проверить трутней: перед ней была беспокойная, жужжащая масса тел, суетящихся вокруг матки. Запасов меда с лихвой хватило на зиму, и семья уже разрасталась.

Она вставила новые рамки в пустой ящик и разместила его над пчелами. «Ну вот, теперь есть место для пополнения, – обратилась она к пчелам. – И для нового меда».

Методично работая, она по очереди занялась каждым ульем. Потом остановилась разогнуть спину, заболевшую от поднимания ящиков с рамками. Перевела взгляд на изящно переплетенные листья акаций, отбрасывающие на ульи пятнистые тени, танцующие при любом ветерке. Со дня на день эти деревья посеребрят целый водопад цветочных бутонов, потом они распустятся и пчелы досыта напьются сладчайшего нектара. Акациевый мед будет золотым и сладким, как само лето.

Она улыбнулась про себя. Да, много летних сезонов уже позади. Прожить еще один будет подарком.

Аби, 2017

Я потерялась. Потерялась во Франции, прямо как в дурацкой песне¹, которая не выходит у меня из головы, пока я плетусь по дороге. Останавливаюсь на минутку, чтобы вытереть лицо рубашкой, уже насквозь мокрой от пота. Дорога тянется вдоль холма, круто обрывающегося с одной стороны. Должна признать, это не самое плохое место, чтобы потеряться. Передо мной простирается пейзаж из зеленых и золотых лоскутков полей, местами перемежающихся темным бархатом лесов. Широкая глянцевая лента петляющей реки окаймляет дно долины подо мной.

Тишина и покой на французском солнышке. Именно так я это и представляла, когда мы с Пру записывались на йога-ретрит. «Смотри, как раз то, что тебе нужно, Аби», – она помачала глянцевой брошюрой, когда мы в четверг убирали коврики и обувались после очередного вечернего занятия. – «Неделя весенней йоги, медитации и осознанности в самом сердце французской глубинки», – зачитала она.

Я не стала говорить, что последние пару лет едва заставляю себя выходить из квартиры, а дорога до места занятия йогой и обратно – самый дальний мой путь за многие месяцы. Конечно, не считая походов в больницу, где физиотерапевты и психологи пытаются помочь мне заново склеить себя по кусочкам.

Но мысль о ретрите была соблазнительной. Я всегда любила Францию. Хотя, скорее, ее образ; не могу сказать, что я много по ней путешествовала. Или по какой-то другой стране, если уж на то пошло. Однако французский был моим лучшим предметом в школе. Он хорошо мне давался. Я с удовольствием погружалась в удивительный мир маман, папа и Мари-Клод. В их милую, безопасную, упорядоченную жизнь, описанную в учебниках. К тому же я понимала, что сейчас должна больше стараться, чтобы вернуть жизнь в нормальное русло и начать чуть чаще выходить из дома. Я подумала, что, путешествуя с Пру, сделать это будет гораздо проще. С ней не соскучишься, и она всегда очень организованна. Мы подружились за чашкой пряного чая с корицей, когда она присоединилась к нашей группе. Йога должна была помочь ей пережить развод. У нее хорошее чувство юмора, и она не болтает без умолку (что действовало бы мне на нервы), так что я решила, что она будет хорошей попутчицей, и согласилась. В тот же вечер она записала нас на ретрит и забронировала билеты на самолет, так что отказаться было уже нельзя, хотя мне отчаянно захотелось этого, как только она позвонила, чтобы подтвердить, что все в силе.

Да уж, буду теперь знать, как проявлять спонтанность. Такие мысли приходят мне в голову, когда я тащусь по горячему асфальту. Ничего хорошего она не приносит. Теперь вот я понятия не имею, куда иду. Вверх по холму от йога-центра, через виноградник – только на мой взгляд, один виноградник как две капли воды похож на другой. Частичка меня все же вынуждена признать, что вокруг довольно красиво. Особенно эффектен этот золотой свет на завитушках сочных зеленых листьев, растущих из скрюченных, мертвых на вид плетей.

Но я не хочу, чтобы окружающая красота отвлекала меня от злости. Мне нужно дать моей ярости на Пру – вот так вот меня бросить! – поклокотать еще немножко. Мой психотерапевт была бы довольна. Она постоянно говорит, что гнев – часть процесса исцеления. И, по крайней мере, я хоть что-то чувствую. Хотя не факт, что это лучше, чем не чувствовать ничего.

Вот тебе и безмятежность с просветлением, обещанные в брошюрке ретрита. Тяжело ступая, я продвигаюсь еще немного вперед. Вообще-то, я знаю, что на самом деле не способна винить Пру. Многие люди поступили бы так же, будь у них хоть малейший шанс. Мысль о ванной и нормальной кровати, не говоря уже о симпатичном гибком голландце под боком,

¹ *Lost In France* – песня британской певицы Бонни Тайлер 1976 года.

определенно соблазнительна. Я просто завидую; тем не менее у меня есть полное право на нее злиться.

Она познакомилась с ним в очереди в туалет, на второй день после обеда. Быстро работает наша Пруденс – не соответствует своему имени², как я погляжу. По ее словам, они оба моментально почувствовали какую-то связь. «Родственные души» – так она выразилась, плюхнувшись рядом со мной за обедом.

– Связь, основанная на синхронном желании пойти в туалет после тарелки острого чечевичного рагу? Не очень-то эмоционально, – бросила я, не в силах сдержаться.

Пру проигнорировала мой выпад.

– Он заплатил дополнительные деньги, чтобы мы могли пожить в гостевом домике неподалеку. Говорит, там роскошно. Есть даже гидромассажная ванна в номере.

Я вздохнула:

– Да, это точно получше, чем заплесневелый бетонный душ с чьим-то грязным пластырем в углу.

Мы приехали в йога-центр три дня назад. Был вечер. Многие уже разместились, поставили палатки, застолбили участки и, кажется, хорошо ориентировались. Помощник в психоделического цвета футболке, с блестящей в вечерних лучах солнца бритой головой, показал нам угол, где мы могли разбить собственную палатку. Было очевидно, что это последнее оставшееся место. «Зато близко к туалетам» – вот самое подходящее описание. Вскоре нам удалось установить палатку, хотя потребовалось какое-то время, чтобы разобраться, куда ставить шесты. Забивать штыри резиновым молотком тоже оказалось непросто, потому что земля была как бетон. В конце концов мы неплохо закрепили три угла из четырех (четвертый чуть хуже) и две растяжки, спереди и сзади, так что палатка не должна была перевернуться. Ветра все равно не было. Погода стояла прекрасная – хоть тут брошюра оказалась права. По ночам бывает холодно, но утром солнце быстро прогревает воздух и к полудню становится по-настоящему жарко.

Я вздрагиваю, чуть ли не подскакиваю, от неожиданного шороха на обочине рядом со мной и мельком замечаю, как уползает тонкая змея в черно-желтую полоску. Змея в траве. Остерегайся их, они опаснее всего. Я делаю глубокий вдох, а потом выдыхаю воздух, как меня учил психотерапевт, чтобы успокоиться, когда что-то провоцирует сигнал тревоги в голове.

Возьми себя в руки. Старайся сохранять уверенность – это главное. Не позволяй воспоминаниям захлестнуть тебя. Нужно время – вот что все говорят.

Я дохожу до вершины подъема, здесь дорога передо мной ненадолго выравнивается, а потом снова взбирается вверх. Я останавливаюсь перевести дух, прижимая кулак к боку, который болезненно колет, и снова отправляюсь в путь, теперь медленнее. Смотрю на часы. Уже минуло шесть. В столовой центра закончился ужин, выданы и съедены порции риса с овощным рагу, а за ними и фрукты на десерт. Мы все там проходим программу детокса, хотя единственное, что пока дала их система здорового питания, это огромное количество раздраженных людей с головной болью, газами и ужасным запахом изо рта. Вот вам и токсичность! Зато на этих каникулах точно никто не растолстеет. Если только Пру со своим голландцем тайно не обедают в их шикарном гостевом доме. Я представляю, как они пьют шампанское и едят шоколадные конфеты в постели.

Продолжаю тащиться вперед, размышляя, что прямо сейчас убила бы за сэндвич с беконом. Да, такую фразу не часто услышишь на йога-ретрите, даже если большинство только об этом и думают, сидя на подушке для медитации или пытаюсь освободить свой разум. Едва ли это только я. Хотя все может быть...

² В переводе с латинского Пруденс означает «благоразумие», «осмотрительность».

Вечером нашего приезда было как-то слишком много всего. После того, как мы разобрались с палаткой, настало время ужина, так что мы последовали за потоком остальных сбежавших от цивилизации в очередь к столам с едой. Мы все украдкой рассматривали друг друга, пытаясь одновременно казаться расслабленными и не чуждыми йоге. Пру переделалась в нечто вроде длинного летящего кафтана, совсем не похожего на ее обычную одежду. После возни с палаткой я чувствовала себя грязной и вспотевшей, но не стала переодевать рубашку и джинсы – униформу, которую я ношу, чтобы скрыть самые страшные шрамы на руках и ноге. Причем я уже чувствовала, как комары кусают мои лодыжки около ремешков сандалий.

Тем вечером в палатке я рассмешила Пру, спросив: «Думаешь, нам можно убивать комаров, или это плохо для кармы?» И как бы там ни было, я вынула спрей: все что угодно, лишь бы спокойно поспать. Хотя, учитывая влажный холод ночного воздуха, просачивающегося в палатку, зудящие укусы и всю ночь напролет стучащие двери туалета, шансы хоть сколько-то выспаться были близки к нулю. К утру я не чувствовала себя особенно безмятежно, а как только мне удалось наконец заснуть, на ближайшей ферме запел петух.

Я прохожу мимо домика у дороги, как вдруг из ниоткуда появляется собака и несется на меня, заливаясь злобным лаем. Я еще раз чуть не подпрыгиваю на месте, мои нервы трепещут, потому что системы мозга, отвечающие за панику, снова активировались. Хорошо, что между нами изгородь. Опасное здесь место, со всеми этими змеями и бешеными собаками.

Похоже, сандалия натерла мозоль на пятке, так что я останавливаюсь и наклоняюсь ослабить ремешок, пальцы у меня дрожат после почти-встречи с собакой. Кожа покраснела. Весело будет возвращаться в центр. Я понятия не имею, где я и сколько прошла. Недалеко от меня на вершине холма стоит высокий кованный крест. Прихрамывая, я добираюсь до него и сажусь на траву (сначала проверив ее, конечно, на наличие змей). На камне возле креста надпись «Сент-Фуа-ла-Гранд – 6 километров». Рядом столб с синей верхушкой и изображением желтой раковины – я вижу знак дороги паломников, о которой Пру болтала недавно, читая за завтраком путеводитель.

Я мысленно возвращаюсь к сегодняшней утренней беседе в зале для медитации. Говорили о карме – что посеешь, то и пожнешь. Меня так и тянуло в тот момент бросить на Пру убийственный взгляд. Но я понимала, что это было бы плохо для моей кармы, так что удержалась и сохранила моральное превосходство. Она и голландец сидели на подушках на пару рядов впереди меня. Пру окликнула меня и предложила сесть рядом с ними, но я покачала головой и осталась на своем месте. *Нет, спасибо. Мне не нужна благотворительность, и я совершенно не хочу быть третьим колесом в вашем велосипеде.* Я сидела на маленькой фиолетовой подушке, скрестив ноги, несмотря на громкие жалобы негнувшегося колена и тут же появившееся покалывание в ступне. После аварии прошло почти два года, казалось бы, с физиотерапией и растяжками все должно уже зажить. Я закрыла глаза, чтобы не видеть, как Пру каждые пять минут оборачивается и улыбается мне. Она, наверное, пыталась сделать примирительный жест, но в моем расположении духа это казалось хвастовством.

Как, скажите на милость, люди так долго сидят неподвижно? Устроиться удобно было невозможно, и я принялась ерзать. Мысли тоже начали суетиться, толпиться в голове. Вот вам и очищение разума. Думать – последнее, чего мне сейчас хочется.

Кажется, я не создана для медитации. Нам нужно было снова медитировать на прогулке после обеда. *Быть* осознающими. А не забивать сознание мыслями, как это бывает у меня. Поля вокруг центра были заполнены людьми, медитирующими на ходу. Они двигались словно зомби, концентрируясь на каждом шаге. Чтобы «оставаться в моменте», как нас проинструктировали. Первые несколько минут у меня неплохо получалось, но потом вид Пру и мистера Нидерланды, движущихся синхронно, опять вывел меня из себя и я зашагала вверх по узкой тропинке к зарослям деревьев. Я вдруг почувствовала, что больше не выдержу в этой медленно движущейся толпе ни секунды.

Какое облегчение оказаться в лесу – здесь прохладнее, да и безопаснее по ощущениям, не так открыто. У меня уже довольно давно не было полноценной панической атаки (лекарства помогали), но сейчас я точно начала чувствовать, как сжимается горло, давит в груди и стучит в голове. Так что оказаться наконец одной – большое облегчение. Я не привыкла все время находиться среди людей.

Интересно, сколько миль я уже прошла? Камень с указателем ничего мне не говорит, потому что я совершенно заблудилась. Я теперь насквозь промокла от пота, а на пятке большая мозоль. Смотрю еще раз на ногу и обнаруживаю, что на натертом месте кожа пузырится. Чтобы отвлечься от боли, яростно чешу комариный укус на лодыжке, пока не начинает идти кровь. Потом прислоняюсь к грубой поверхности камня-указателя и вытягиваю ноги, осматривая виды вокруг.

Во все стороны расходятся аккуратные виноградники. То тут, то там в них уютно устроились кремового цвета каменные постройки. Крыши из красной черепицы сияют в вечернем свете. Здесь на вершине холма дует легкий ветерок. Я с благодарностью приподнимаю голову, чтобы он обдувал мою потную шею и горящие щеки. По крайней мере, теперь дорога идет вниз. Возможно, если пойду по ней, узнаю какие-то места или найду указатель, ведущий к центру.

Я оборачиваюсь взглянуть на дорогу, по которой шла, и с ужасом вижу огромные клубы темных грозовых облаков. Кажется, пока я смотрю, они увеличиваются в размерах, вздымаясь все выше и наконец заслоняя солнце. Свет меняется с мягкого золотого на болезненный фиолетовый. Становится зловеще тихо, и только сейчас я замечаю, что хор птиц и сверчков, сопровождавший меня до этого момента, неожиданно стих. Я поднимаюсь, одной рукой опираясь о камень, другой хватаясь за основу креста, и несмело наступаю на натертую ногу. Надо идти, и быстро, пока не началась гроза.

В этот самый момент я слышу шум мотора и рядом со мной тормозит белый фургон. Я поворачиваюсь, ожидая увидеть лысеющего француза в майке, но за рулем женщина примерно моего возраста, с длинными темными волосами, собранными в аккуратный хвост. «Запрыгивайте!» – кричит она, чтобы заглушить шум мотора и ветер, который начал закручивать маленькие пылевые вихри вдоль дороги. Я с опаской смотрю на облака, от которых теперь потемнело все небо. В этой части света бывают торнадо?

– Я собиралась... – начинаю было я, указывая на дорогу примерно в том направлении, где, по моим предположениям, находится центр.

Первые крупные капли дождя падают на пыльную дорогу передо мной, а потом и мне на лицо. Я резко втягиваю воздух, почувствовав, какие они ледяные. Пригибаю голову, закрываю глаза, чтобы защититься от сердитых капель дождя, и забираюсь на пассажирское сиденье.

– Сара Кортини, приятно познакомиться, – представляется она по-английски (и как это они *всегда* угадывают, что ты не француженка?). – Я живу вон там, – она указывает на вершину соседнего холма, который уже закрыт облаками. – Можете переждать у нас грозу, а потом мы отвезем вас домой. Где вы остановились?

– В йога-центре. Меня зовут Аби Хоуз.

Сара кивает и трогается с места, быстро продвигаясь по уходящей вверх пыльной грунтовой дороге в попытках обогнать надвигающуюся грозу. Мы выпрыгиваем из фургона и бежим под больно бьющими каплями дождя. За те несколько секунд, которые требуются, чтобы добраться до входа в изящное каменное здание, мы промокаем насквозь. Я на бегу пытаюсь взглянуть на окружающие нас здания, примостившиеся так высоко на вершине холма, и спрашиваю, что это за место.

Сара захлопывает за нами дверь, берет кухонное полотенце и протягивает его мне, предлагая вытереть лицо и рубашку. А потом отвечает:

– Добро пожаловать в Шато Бельвю.

Элиан, 1938

Дыхание реки туманной вуалью висело над плотиной, когда начало подниматься солнце. Первые лучи были мягкие и золотые, как спелые фрукты, свисающие с ветвей груш и айвы в саду. Свистящая песня черноголовой славки провозгласила рассвет, сметая ночную тишину на запад.

Дверь мельничного дома открылась, и из него выскользнула стройная фигура. Ее босые ноги беззвучно ступали по влажной от росы траве. Почти не сбавляя шага, она прошла по покрытым мхом камням на мостике над мельничным лотком. Там вода пенилась и клокотала от досады, что ее сжали в узкий канал под мощным мельничным колесом. Убрав три широкие деревянные рейки в правую руку, левой Элиан подпернула юбки и уверенно встала на плотину.

Ее отец, Гюстав, вышедший вслед за ней набрать охапку дров, остановился, глядя, как дочь переходит на дальнюю сторону реки. Казалось, что она скользит по воде, как в сказке, потому что ее ступни были скрыты под низко стелющимися испарениями от воды. Почувствовав его взгляд, Элиан обернулась через плечо. Даже издали по его непривычно мрачному выражению она поняла, что он опять беспокоится из-за возможной войны. Не прошло еще двадцати лет после прошлой, с которой не вернулся его собственный отец. Она приподняла руку в приветствия, и его лицо сморщилось в привычную, так легко возникающую улыбку.

Ульи под акациями на дальнем берегу реки стояли тихие и спокойные. Их обитатели все еще прятались внутри, ожидая, когда солнечные лучи достаточно прогреют воздух. Элиан беззвучно вынула из кармана передника кусочек тонкой веревки и привязала рейки, закрывая летки ульев, прежде чем пчелы начнут деловито сновать туда-сюда. Сегодня их перенесут на вершину холма, чтобы они перезимовали в укромном уголке обнесенного стенами сада в шато.

Элиан помогала на кухне в Шато Бельвю, а значит, она каждый день будет рядом и сможет проверять пчел, а при необходимости пополнять их запасы сахара, нужные, чтобы они пережили зиму, если та снова окажется суровой. Господин граф охотно согласился на ее робкую просьбу приютить ульи. Он заметил, что она ладит с природой и умеет получать от своих пчел щедрые куски медовых сот, а также творить чудеса с травами и грядками в огороде. Даже кухарку в шато, внушающую робость мадам Буан, очень устраивала работа Элиан. Последнее время было слышно, как она довольно мурлычет себе под нос, хлопоча то у кухонного стола, то у плиты.

Вернувшись в просторную кухню мельничного дома, Элиан наполнила водой небольшой кувшин, опустила в него букетик полевых цветов и поставила его на середину потертой клеенки, покрывающей стол. Ее отец, макавший кусок хлеба в чашку с кофе, остановился.

– Готово? Ульи хорошо закрыты?

Элиан кивнула, наливая себе кофе из эмалированного кофейника и придвигая стул. Солнце начинало свое утреннее путешествие по столу.

– Все готово. Ив проснулся?

– Нет еще. Знаешь, какой он в субботу утром. – Он сделал вид, что осуждает праздность сына.

– Нам нужно вскоре перенести ульи. Для пчел вредно сидеть внутри на жаре. – Она провела пальцем по ставшей ярче полоске света на столе, которая уже добралась до кувшина с цветами и продолжала потихоньку красться в сторону отца, сидевшего во главе стола.

Тот кивнул, вытер усы мятым носовым платком и сунул его обратно в карман синих брюк.

– Знаю, – сказал он и заскрежетал стулом по каменным плитам. Он был крепким мужчиной больших размеров, с внушительным животом и мускулистым сложением из-за целой жизни работы на мельнице. – Пойду разбужу его.

– А где мама? – спросила Элиан, отрезая кусок свежее испеченного хлеба, лежащего на дубовой доске рядом с тем местом, которое только что освободил отец.

– Ушла к мадам Перре. Похоже, у нее ночью начались схватки.

– Я слышала, как рано утром звонил телефон. Значит, это была она? Но ей еще целый месяц до срока... – Элиан застыла с хлебным ножом в руке.

Отец кивнул:

– Твоя мать думает, это ложная тревога. Ты же знаешь Элизабет Перре, она дрожит при виде собственной тени.

– Ну, это ведь ее первый ребенок, – мягко укорила его Элиан. – Конечно, она волнуется.

Он кивнул:

– Надеюсь, твоя мать успокоит ее одним из своих отваров, и малыш решит погодить еще несколько недель.

Он придвинул к ней тарелку с маслом и банку с вишневым вареньем, а сам отправился будить Ива. До нее доносились его тяжелые шаги, от которых скрипела деревянная лестница.

Увидев, как мать, Лизетт, вкатывает велосипед под навес у сарая, Элиан взяла хлеб с вареньем и вышла помочь занести сумку с инструментами и корзинку с травяными лекарствами, которую мать всегда брала с собой на обход. Будучи местной акушеркой, она знала большинство жителей в округе деревушки Кульяк.

– Как мадам Перре?

– В полном порядке, просто сильное вздутие живота. Вот что бывает, если за раз съесть целую банку корншонов! Ничего такого, с чем бы не справились несколько чашек фенхелевого чая. Думаю, этот малыш пробудет на своем месте еще добрых несколько недель. У нее высокий живот, ему слишком удобно, чтобы захотеть наружу. Типичный мальчик! – Мать Элиан с поразительной точностью предсказывала пол ребенка, которого должна была принять. – Кстати, о мальчиках, где твой брат? Я думала, он сегодня утром поможет вам с отцом перенести ульи до того, как ты уйдешь на рынок.

Элиан кивнула, опуская плетеную корзинку рядом с раковиной и забирая кофейник, чтобы налить матери чашку кофе.

– Папа пошел его будить.

– А вот и он! – объявил о своем прибытии Ив, широко улыбнувшись Элиан и обняв мать. – Как только позавтракает, тут же возьмется за работу.

Шестнадцатилетний Ив закончил школу этим летом и вовсю наслаждался относительной свободой, которую давала работа с отцом на мельнице взамен строгостей уроков и экзаменов. Он был выше матери и обеих сестер, хотя те были старше него, а копна темных кудрей и беззаботная манера разговора сделали его любимцем сверстников. В последнее время казалось, что все больше девушек горят желанием помочь родителям отнести на мельницу снопы пшеницы и забрать мешки готовой муки, пытаясь сделать вид, что не поглядывают украдкой на то, как Ив забрасывает тяжелые мешки в кузов отцовского грузовика для отправки пекарям.

Сейчас грузовик Мартенов пополз вверх по пыльной крутой дороге, ведущей к Шато Бельвю. Гюстав старательно объезжал худшие выбоины и ямы, чтобы как можно меньше тревожить пчел. Прочно закрепленные и накрытые ветками бузины для защиты от солнца, ульи прибыли в свой новый дом в саду за шато. Там под руководством Элиан их поставили у западной стены, чтобы они смотрели на восток и каждое утро холодными зимними месяцами нагревались первыми лучами восходящего солнца. Сверху их защищала большая груша, сейчас ее ветви сгибались под тяжестью почти созревших плодов.

– Лучше вернись в машину и закрой окна, – сказала Элиан Иву. – Пчелы будут сбиты с толку на новом месте, и ты знаешь, как им нравится тебя жалить!

– Не понимаю, – проворчал он. – Ты часто даже не надеваешь сетку, но *тебя* они никогда не жалят.

– У этих пчел избирательный вкус, – поддразнил его Гюстав, взбираясь на водительское сиденье и проверяя, что окно хорошо закрыто.

Элиан проворно развязала веревки и отняла рейки, закрывавшие выход из ульев. Вскоре через узкие отверстия начали появляться первые пчелы, они почувствовали воздух и принялись бестолково летать зигзагами. Она улыбнулась, наблюдая за ними.

– Правильно, посмотритесь немного, подружки. А потом обязательно вернитесь и станцуйте свой танец, чтобы остальные узнали, где что находится. Здесь всем вам хватит лакомства.

Пчелы уже начали собираться в кучки вокруг темно-синих звездочек бурачника, а две самые отважные устремились вверх навстречу ослепительно-желтым цветам топинамбура, намереваясь отыскать драгоценный нектар среди темно-коричневой пыльцы, покрывающей серединку каждого цветка.

У входа в окруженный стенами сад стоял и наблюдал, опираясь на трость с серебряным набалдашником, граф.

– Доброе утро, Элиан. Благополучно поставили? Они уже смотрятся здесь как дома.

– Превосходно, – улыбнулась она своему пожилому хозяину. – Здесь, вдали от реки, им будет не так сыро, а стены укроют их от холода. Мерси, месье.

– Я рад, – кивнул он. – И, Элиан, уже разошлась молва, как это здесь быстро бывает. Ко мне обратился месье Кортини, виноградарь из Шато-де-ла-Шапель. У его свояченицы еще шесть семей, но сейчас у нее слишком разболелись руки, чтобы как следует ими заниматься. Он услышал, что ты будешь ухаживать за своими пчелами здесь, и спросил, не сможем ли мы разместить и остальных.

Обычно спокойные глаза Элиан, серые и ясные, как предрассветное небо, расширились от удивления и радости.

– Девять семей! Представьте, сколько будет меда!

– Думаешь, здесь в огороде всем хватит места? Не хотелось бы, чтобы у нас на руках оказались рои воюющих пчел.

– Да, бьян сюр³. Мы поставим новые ульи немного подальше от моих, вон там, ближе к углу, и слегка развернем их, чтобы линии полета не пересекались. Тогда не должно быть никаких осложнений.

– Очень хорошо. Кортини свяжутся с тобой сегодня на рынке, чтобы договориться о перевозке.

– Тысяча благодарностей, месье. А сейчас мне как раз пора на рынок.

Граф де Бельвю поднял руку, приветствуя автомобиль Мартенов, который направился обратно вниз по холму. На несколько секунд он задержался у входа в сад, наблюдая, как пчелы Элиан, уже немного освоившиеся, деловито летают от цветка к цветку на аккуратных клумбах, которые девушка несколько месяцев назад разбила вместе с садовником.

* * *

Рынок в Сент-Фуа-ла-Гранд уже гудел от звуков субботнего утра, когда Элиан добралась до него. Она продвигалась медленно, прокладывая себе дорогу через толпу, здороваясь с друзьями, соседями и продавцами, протискиваясь между стойками выставленных на продажу ярких товаров. В плетеных корзинках сияли поздние рубиново-красные ягоды и аметистовые сливы. Овощные ларьки под полосатыми навесами были завешаны плетеными косами золотистого лука и похожего на нитки жемчуга чеснока.

³ Bien sûr (фр.) – конечно.

Она помахала господину Буану, мужу кухарки в Шато Бельвю. Он был занят вертелом с сочными домашними курицами. Жир с них капал на поднос с кусочками картофеля, которые постепенно приобретали карамельно-коричневый цвет.

Элиан пробралась сквозь толпу к прилавку, где ее подруга Франсин бодро обслуживала собравшихся вокруг нее покупателей. Их варенья всегда пользовались популярностью, а баночки меда Элиан расходились не менее быстро.

– Ну и цены, – проворчала женщина, поднимая одну из банок с янтарным содержимым.

– Сейчас конец сезона, мадам, и это лучший акациевый мед, – невозмутимо улыбнулась Франсин. – Это последние банки до весны, так что советую купить сегодня, если хотите меда. – Она расправила протянутую ей смятую купюру и осторожно убрала ее в кожаный кошелек, висевший на поясе, прежде чем вложить в протянутую руку покупательницы сдачу. – Мерси, мадам, и хорошего вам дня.

Элиан скользнула за прилавок и расцеловала Франсин в обе щеки. Девушки были лучшими подругами с той самой минуты, как познакомились в первый день школы. Многим они казались неподходящей парочкой. Франсин была порывистой и компанейской, в то время как спокойная и молчаливая Элиан казалась более сдержанной. Но их характеры подходили друг другу так же хорошо, как две половины грецкого ореха в скорлупе. Еще в шесть лет они обнаружили, что обе обладают живым чувством юмора и врожденным стремлением заботиться обо всем живом. Со временем их дружба превратилась в горячую преданность. Родители Франсин несколько лет назад вернулись в родной По, чтобы быть ближе к ее стареющей бабушке, но Франсин решила остаться и зарабатывать на жизнь, возделывая небольшой участок земли, принадлежащий их семье.

– Прости, что я поздно, – извинилась Элиан.

– Ничего, я знала, что вы утром перевозите пчел. Все в порядке?

Элиан кивнула.

– Теперь они устроены на зиму. Когда я уходила, они как будто осваивались на новом месте. Давай я пока сменю тебя. Ты, должно быть, ужасно хочешь кофе.

Франсин передала ей кошелек и сняла передник, убирая его за прилавок. Она помахала группе друзей, сдвинувших несколько столиков у Кафе-дез-Аркад, и жестами попросила заказать ей кофе.

– О, чуть не забыла! Видишь вон того парня? Большой такой между Бертраном и Стефани? Вообще-то, Стефани, как обычно, флиртует и чуть ли не забралась к нему на колени. Он подходил и спрашивал тебя. Говорит, его зовут Матье как-то-там и он ученик в Шато-дела-Шапель, помогает Кортини со сбором винограда. Сказал, они послали его разыскать тебя. Что-то насчет перевозки ульев. Я пошлю его к тебе.

Обслуживая следующего покупателя, Элиан взглянула на компанию, хохотавшую из-за чего-то, что сказала Стефани. Франсин села и, наклонившись через стол, обратилась к Матье. Он посмотрел на прилавок Элиан на другой стороне людной рыночной площади. На секунду толпа расступилась и их взгляды встретились. Казалось, спокойные серые глаза Элиан смутили молодого человека. Он так поспешно поставил на стол чашку кофе и поднялся на ноги, что чуть не опрокинул жестяной столик, расплескав при этом напитки к всеобщему веселью и явной досаде Стефани. Та схватила несколько бумажных салфеток и принялась яростно промакивать рукав блузки.

Матье ждал, отойдя в сторону и притворяясь, что поглощен чтением объявлений на доске перед мэрией, пока поток покупателей немного не стих. Тогда он подошел.

– Элиан Мартен? – просто начал он и протянул свою загорелую руку. Она была широкая и сильная, как медвежья лапа. Но несмотря на свои размеры, он двигался с легкой, животной грацией. – Меня зовут Матье Дюбоск. Я работаю у Кортини. Они послали меня передать вам кое-что.

Пожимая протянутую руку, Элиан окинула его своим ясным взглядом, а потом улыбнулась, отчего его щеки стали не менее красными, чем земляничное варенье Франсин.

– Да, конечно. Граф де Бельвю уже мне все объяснил. У них есть ульи, которые нужно перевезти к моим в саду шато, не так ли?

Матье кивнул и провел рукой по черным густым волосам, неожиданно подумав, что, пожалуй, их неплохо бы немного пригладить, когда он стоит перед девушкой, ведущей себя с таким достоинством. Ее улыбка, кажется, лишила его дара речи.

– И они в саду тети Беатрис в Сент-Андре?

Воцарилось неловкое молчание, пока Матье безуспешно пытался понять, о чем таком она говорит.

– Пчелы, – мягко напомнила Элиан. – Ульи в саду тетушки Патрика Кортини? Кажется, господин граф сказал, они принадлежат свояченице месье Кортини?

– Да. Да, все верно.

– Бьян⁴. В таком случае я узнаю, смогут ли отец с братом пригнать грузовик в понедельник до рассвета. Это лучшее время, пчелы еще будут в ульях. Я принесу все, что нужно.

– Я тоже там буду, мадемуазель Мартен, и помогу с переноской.

Она снова улыбнулась, и эта улыбка осветила все ее лицо.

– Элиан. Спасибо, Матье. Тогда буду ждать встречи в понедельник.

Он немного постоял, наблюдая, как она обслуживает следующего покупателя, по-видимому, не спеша вернуться к компании в кафе.

Стефани протиснулась через толпу, заполнившую рыночную площадь после того, как часы на церкви пробили одиннадцать. Взяла со стойки банку сливового варенья, сморщила нос и поставила ее обратно, но не на свое место, а на прилавок.

– О, бонжур, Элиан, – сказала она, как будто только заметила, кто стоит за прилавком. – Идем, Матье, мы заказали тебе новый кофе вместо того, который ты пролил, и он остывает. – Потом собственнически взяла Матье под руку: – И посмотри, – продолжила она, с притворной строгостью постукивая его по руке, – ты испортил рукав моей блузки. Хорошо еще, что она старая.

Он мягко и вежливо высвободился. Взял банку отвергнутого варенья и поставил на место – на самый верх аккуратной пирамидки из банок. Потом снова протянул свою огромную руку и, теперь уже более уверенно, ответил на открытый взгляд Элиан собственной улыбкой.

– До свидания, Элиан. До понедельника.

⁴ Bien (фр.) – хорошо.

Аби, 2017

Небо за кухонными окнами снова и снова разрывают вспышки молний и удары грома. По крыше шато, поглощенного ливнем, яростно стучат капли дождя.

При звуках грома я вздрагиваю, а потом даже нервно спрашиваю, не попадает ли в них молния.

– Не волнуйтесь, – заверяет Сара, продолжая безмятежно выкладывать купленные продукты на стол. – Шато стоит здесь уже больше пятисот лет. Сейчас у нас установлено несколько отличных громоотводов, они защищают здание. Остается только выдернуть из розеток все устройства, чтобы они не сгорели из-за скачка напряжения. – Она ставит картонные коробки с молоком в карман дверцы огромного холодильника и достает бутылку вина. – Скоро стихнет. В разгар лета грозы могут длиться по полночи, но весенние никогда не затягиваются надолго.

– Вы отлично говорите по-английски, – осмеливаюсь сказать я.

Она смеется.

– Вот это комплимент! Да я ведь англичанка. Я переехала сюда несколько лет назад. И вышла замуж за француза.

Внезапно кухонная дверь распахивается. Мужчина, одетый в рабочий комбинезон, захлопывает ее за собой и встряхивает мокрыми волосами, а потом тянется обнять Сару. Она смеется, совершенно не придавая значения тому, что его одежда пыльная и мокрая, и целует его.

– У нас гостья, – она указывает на то место, где я сижу за деревянным столом.

– Простите, мадам, – подходит он, и прежде чем пожать мне руку, вытирает свою о штанину. – Я вас не заметил.

– Это мой муж, Тома. Тома, это Аби. Мы встретились на дороге как раз перед грозой.

– Вид у вас такой, будто вы сбежали из центра йоги, – улыбается он.

– Меня выдали легинсы, да? Простите, что вот так вторглась в ваш дом. Сара любезно предложила мне переждать грозу. Я уйду, как только она закончится.

– Лучше поужинайте с нами. – Сара наполняет три бокала прохладным вином и ставит один передо мной. – Вы ведь уже пропустили ужин в центре. Потом я вас отвезу.

Боль в ноге и пульсирующее жжение в натертой пятке вынуждают меня согласиться.

Тома делает глоток вина и уходит переодеваться.

– Можно я накрою на стол? – спрашиваю я Сару, пока она пассирует в сковородке картошку с чесноком. От заполнившего кухню аромата у меня текут слюнки. Я раскладываю посуду, салфетки, расставляю стаканы с водой. Делаю маленький глоток вина. Отмечаю про себя, что оно очень вкусное, с фруктовыми нотками.

– Вы не вегетарианка? – спрашивает Сара. – Я запекла курицу, но если хотите, запросто сделаю вам что-нибудь другое.

Я отрицательно качаю головой:

– Нет, курица – это чудесно. Вы ужасно добры, что вот так меня приняли.

От их щедрости меня вдруг захлестывают эмоции. Горло сжимается, а на глаза наворачиваются слезы. Может, это еще и эффект от вина? Или тот факт, что я умираю от голода, а еда так хорошо пахнет? Или влияет расслабленная сердечность, которую излучает эта дружелюбная пара, готовая разделить со мной свой дом и свой ужин?

Не глупи, – говорю я себе. – Как бы там ни было, ты только познакомилась с этими людьми. Ты же не хочешь, чтобы они посчитали тебя совсем чокнутой. Плохо уже то, что они нашли тебя шатающейся по сельской местности перед грозой.

Сара замечает мою тревогу. Под предлогом того, что ей нужно поставить кувшин с водой, подходит ко мне и ободрительно треплет по руке.

– Мы рады помочь, – улыбается она. – Вы, должно быть, устали? Хорошенькое расстояние прошли сегодня. Как вам йога-ретрит?

Хорошо, что она сменила тему. Я рассказываю о занятиях йогой. Их я люблю, и они очень помогают для укрепления поврежденной ноги и рук (хотя эту вторую часть я не произношу вслух). И даже рассказываю о том, как Пру встретила своего симпатичного голландца, стараясь, чтобы звучало весело.

Сара качает головой:

– О! Похоже на то, будто ваша подруга вас бросила.

Я пожимаю плечами:

– Все в порядке. По крайней мере, в палатке теперь чуть больше места.

Она смотрит на меня с удивлением:

– Вы живете в палатке? В такое время года?

– Мы слишком поздно бронировали, чтобы разместиться в здании центра. Палатка была единственным вариантом. Мы там не одни такие. Пойдет. Мы все равно большую часть времени проводим в зале для йоги или в столовой.

Сара с сомнением смотрит на окна, залитые потоками дождя. Ладно, в чем-то она права. Я на секунду задумываюсь о том, как палатка переносит грозу.

– Все будет нормально, – говорю я твердо, больше для самой себя, чем кого-то еще.

– Где же ваш постоянный дом? – спрашивает она, укладывая разделочную доску и принимаясь готовить салат.

– В Лондоне, – запросто отвечаю я, снимаю кухонное полотенце и принимаюсь вытирать сковородки, лежащие рядом с раковиной. – Убрать их?

Она кивает.

– Вон в тот шкаф. А чем занимаетесь в Лондоне?

– В данный момент, можно сказать, ничем, – признаюсь я. – Я училась в Открытом университете⁵, но пока забросила это. Последние пару лет я неважно себя чувствовала. Ничего серьезного. Но я попала в аварию... Мой муж погиб...

Я замолкаю, на мгновение воцаряется тишина, потом Сара утешительно дотрагивается до моей руки:

– Ну, по мне так это очень даже серьезно. Мне так жаль! Неудивительно, что вам было плохо.

Я качаю головой и пытаюсь увести разговор с тяжелой темы, бодро заявляя:

– Но раньше я работала няней.

– Нравилось сидеть с детьми?

– Очень. Я жила в нескольких отличных семьях. Мне нравилось присматривать за их детьми. – Я не добавляю, что через несколько месяцев после смерти мамы, истратив немногие оставшиеся деньги на фееричную попойку во время сдачи выпускных экзаменов, я поняла, что мне негде жить. Так что я обратилась в агентство по найму («Домашние работы в Великобритании и за границей») и поставила галочки рядом с пунктами «Ищу вакансию с проживанием» и «Готов приступить к работе немедленно». Вооружившись хорошими рекомендациями от школьных учителей, через два дня я получила место у отчаявшейся пары с тремя детьми, все младше пяти лет. Их няня-иностранка недавно сбежала в Уэльс к парню, с которым познакомилась на фестивале.

– А дома кто-нибудь остался? – спрашивает Сара. – Дети? Партнер? Кто ухаживал за вами, пока вам нездоровилось?

Я качаю головой.

⁵ Британский виртуальный университет открытого образования основан в 1969 году. В нем обучается около двухсот тысяч человек со всего мира.

– Ничего из перечисленного. Свободна как ветер, это про меня. Но в последнее время мне действительно гораздо лучше. – Я прибегаю к своей обычной стратегии: стараюсь казаться веселой и уклоняюсь от вопросов до того, как их зададут. И пытаюсь игнорировать тот факт, что я все еще страдаю от приступов тревоги, бессонницы и (несмотря на многочисленные беседы с добрым и ободряющим психологом) от хронической неспособности наладить свою жизнь.

За ужином Сара и Тома рассказывают мне о бизнесе, который они открыли в Шато Бельвю.

– В летний сезон мы проводим здесь свадьбы. В эти выходные будет третья за этот год. По понедельникам у нас и наших сотрудников выходной, а во вторник и среду мы занимаемся приготовлениями, застилаем постели в спальнях и украшаем все к приезду гостей.

– Сколько человек вы можете разместить?

– В самом Шато не больше двадцати четырех. Остальные живут в гостиницах поблизости. Но мы немного расширяемся. Прошлой зимой купили мельничный дом у реки. Мы ремонтируем его, чтобы можно было разместить еще десятерых. Он в пешей доступности, так что это будет хороший вариант для больших компаний или для родственников жениха. Они не всегда хорошо реагируют, если поселить их отдельно.

– Дело идет медленно, – добавляет Тома. – Я выполняю кое-какую работу в мельничном доме, когда могу, и у нас есть команда строителей, но они одновременно заняты собственными проектами. Но уж к следующему году дом точно будет готов.

– Ну, не жди, что будешь проводить там много времени в этом сезоне. Мне потребуется как можно больше твоей помощи здесь, – со вздохом говорит Сара мужу и поворачивается ко мне. – Нам пришлось расстаться с одной из наших помощниц. На самом деле это такой эвфемизм: мы обнаружили ее спящей в винном погребе. Она выпила несколько бутылок шампанского прямо перед прибытием последней партии гостей! Такая досада. Среди местных очень сложно найти человека, который согласился бы на сезонную работу. Она фактически все лето не оставляет времени на личную жизнь по выходным.

Я сочувственно киваю.

– Представляю, как это трудно. Но, наверное, и весело – как будто ты все лето на одной длинной вечеринке?

Сара и Тома с улыбкой смотрят друг на друга.

– Ты права, – говорит он. – Если работой наслаждаешься, она приносит чувство удовлетворения.

Они рассказывают о своем деле и интересных случаях за последние пару лет: чему они научились, каких наделали ошибок, как весело им было. Во время этого рассказа я смотрю на их лица, и по тому, с какой легкостью они смеются, как слушают друг друга, какими взглядами обмениваются, становится очевидно, что они любят свою работу почти так же сильно, как и друг друга.

К концу вечера мне кажется, что я знакома с ними много лет, а не какие-то пару часов, и мне не хочется возвращаться в центр йоги. Но после салата из свежей зелени и тарелки разнообразных сыров (от твердых и кислых до текучих и острых) мы встаем из-за стола.

После резкого перехода с детокс-питания мне тепло и сонно. Я наконец-то чувствую себя насытившейся. Разве может эта еда быть такой уж вредной, если после нее так хорошо? Выходя из-за стола, еще раз благодарю хозяйку и заверяю, что это было невероятно вкусно.

Как Сара и предсказывала, гроза быстро прошла. Когда мы едем обратно в центр, на небе уже виднеется несколько звезд там, где разошлись облака. Подъезжая ко входу в главное здание и паркуясь за полицейским автомобилем, мы замечаем, что собралась немаленькая группа людей. Там несколько организаторов, Пру со своим голландцем, пара-тройка гостей центра и двое жандармов.

Вылезая из машины, я слышу пронзительный крик Пру:

– Аби! Вот ты где! Где ты, черт возьми, пропадала? Мы здесь все изволновались. Никто не видел тебя с медитации после обеда. Они даже вызвали полицию...

Жандармы оборачиваются ко мне.

– Это и есть пропавшая? – спрашивает один из них. Потом он замечает Сару. – *Ah, bonsoir, Sara, comment vas-tu?*⁶

Она бегло отвечает по-французски, объясняя, что произошло.

– Не о чем беспокоиться, мадам. Ваша подруга была в самых лучших руках, – заверяют они Пру, когда Сара заканчивает рассказ. Потом со смехом забираются в полицейскую машину, и вскоре огни их задних фар исчезают на склоне.

После того как я убеждаю Пру, что со мной все в полном порядке и что я провела очень приятный вечер за ужином в шато, они с голландцем отбывают в свою шикарную гостиницу. Мне немного неловко из-за поднятой суматохи, так что я поворачиваюсь к Саре, чтобы попрощаться:

– Спасибо, что спасли меня. И за восхитительный ужин. Я очень рада была познакомиться с вами и с Тома.

Но она, кажется, не торопится уезжать и просто рассматривает здания вокруг. Огоньки от них освещают внутренний дворик, где мы стоим.

– Любопытно посмотреть, что они здесь сделали. Я не была здесь после ремонта.

– Я вам все покажу, если хотите, – предлагаю я. Это минимум, что я могу сделать после ее доброты. Так что я бегло знакомлю ее со столовой, просторным залом для йоги с раздвижными дверями от пола до потолка, за которыми видны поля и лесные посадки, и комнатой для расслабления, где сейчас несколько человек сидят с чашками травяного чая. Потом я провожу ее к боковой части здания: – У некоторых комнаты наверху, кто-то живет в местных гостиницах, но остальные...

– Живут в палатках? – заканчивает за меня Сара, пока мы обе рассматриваем сцену побоища, раскинувшуюся перед нами.

Большинство палаток, надо признать, стоит прямо, хотя по ним и стекает вода. Она собирается в большие лужи, мерцающие там, где на них попадает свет. Но одна палатка превратилась в мокрую кучу скомканного материала, торчащую как одинокий остров посреди озера.

– Это ваша, я так понимаю? – мягко предполагает Сара.

Я киваю, не желая отвечать вслух, чтобы случайно не высвободить поток слез, который сейчас поднимается внутри меня. Я вдруг чувствую себя совершенно сломленной. Не считая сумки и телефона, которые хранятся в офисном сейфе (нам пришлось оставить их по прибытии, это тоже часть детокса), все, что у меня было с собой, теперь под этой жалкой кучкой мокрой ткани.

– Так, – говорит Сара решительно. – Надо выкопать ваши вещи, а потом едем обратно и вы переночуете у нас.

Я начинаю возражать, но, если честно, прямо сейчас и не могу придумать других вариантов. Сара не обращает внимания на мои слабые протесты и идет через лужу подобрать то, что осталось от палатки. Вдвоем у нас получается отстегнуть внутреннюю часть, и пока она придерживает грязный намет, с которого капает вода, я ищу свои вещи. Сумка с одеждой промокла насквозь. Косметичка плавает в луже. А два спальных мешка так пропитались водой, что их едва удастся вытащить наружу. Пока я пытаюсь отжать из них как можно больше воды, Сара вытягивает два коврика. Она замечает веревку для белья, натянутую между березами.

– Вот, повесим что можно здесь. За ночь вода немного стечет, а утром разберемся с ними. – Давая понять, что она не готова обсуждать какие-либо другие варианты ночевки, она

⁶ А-а, добрый вечер, Сара, как поживаешь? (фр.)

откладывает сумку с моей одеждой в сторону: – Это заберем с собой и сунем в стиральную машину. Тогда хотя бы ваши вещи будут завтра чистые и сухие.

– Простите, что доставляю столько хлопот, особенно когда вы так заняты. Готова поспорить, вы не знали, во что ввязываетесь, когда подобрали меня на дороге.

– Да нет никаких хлопот. И как оказалось, очень даже хорошо, что наши пути пересеклись именно сейчас. К счастью, у меня есть шато, в котором сегодня полно пустых спален. Можете переночевать в одной из них. И я готова поспорить, там гораздо удобнее, чем в вашей палатке, даже если бы она была сухой и стояла прямо. – Я медлю, и она легонько меня подталкивает: – Я разве не упомянула, что в комнате есть ванна, в которой можно чуть ли не плавать?

Я улыбаюсь и поднимаю полотенце, которое достала из палатки. Раньше оно было кремовым, а теперь в грязно-коричневую полоску.

– Вы умеете уговаривать. А может, там еще и белые пушистые полотенца есть?

Сара широко улыбается в ответ:

– А как же!

Элиан, 1938

На следующей неделе, перед тем как отправиться по своим обычным обязанностям в Шато Бельвю, Элиан накрыла голову и плечи платком, чтобы защититься от холодка тумана, собравшегося за ночь в речной долине. Проходя мимо мельницы, она увидела, что дверь приоткрыта, и вошла внутрь, в сухой теплый воздух размольной, чтобы пожелать отцу доброго утра. Она немного помедлила, наблюдая за тем, как он запускает жернова: бросает в них несколько пригоршней зерна, прежде чем повернуть колесо, открывающее желоб для воды. Когда вода начала падать в узкий канал, потихоньку приводя в движение мельничное колесо, спокойное, приглушенное течение реки превратилось в стремительный поток. Когда оно набрало скорость, поток перешел в рев и весь механизм ожил, добавляя дребезжание и лязг в общую какофонию. Скрипя и позвякивая, шестеренки начали поворачивать бегун⁷. Гюстав открыл желоб для зерна, направляя поток зерна в отверстие в центре камня. Через несколько мгновений в деревянный лоток под лежаком⁸ полетела крупка, напоминающая Элиан первые хлопья зимнего снега.

Гюстав проверил крупку и отрегулировал скорость бегуна, удостоверившись, что помол получается достаточно мелкий. Высоко над ними скрипнули доски: это Ив бросил еще один мешок пшеницы в загрузочный лоток, питающий жернова. Он открыл люк в потолке, чтобы узнать, все ли идет гладко, и широко улыбнулся, заметив Элиан. Было слишком шумно, чтобы расслышать его слова, но она увидела, как он произносит «Доброе утро». Она помахала ему, поцеловала отца и, сказав «Бон журнэ»⁹, снова закрыла голову платком и отправилась на работу.

Пока она брела вверх по холму, звуки мельницы позади нее затихали. Где-то на другом берегу реки слабый ритмичный грохот проходящего поезда, словно стук сердца, какое-то время волновал воздух, пока не захватила господство тишина. Она поднялась на вершину холма и оказалась в лучах поднимающегося августовского солнца. Скоро оно развеет ночной покров реки и откроет мельничный дом свету дня.

Элиан остановилась перевести дух, глядя на долину внизу. Ей была хорошо видна крона ивы, и она улыбнулась, вспомнив, как вчера вечером сидела с Матье под сенью ивовых листьев, как они сидели там каждый вечер с тех пор, когда он помог с перевозкой пчел, и как, наконец набравшись смелости, он взял ее руку в свою.

Когда Элиан вошла в тепло просторной кухни, наполненной ароматом пекущегося хлеба, мадам Буан уже гремела кастрюлями и сковородками.

– Бонжур, мадам. Что нам понадобится сегодня утром? – Она взяла небольшую плетеную корзинку, стоящую у двери, стараясь не наследить пыльными ботинками на чистом кухонном полу. Ее последней обязанностью каждый день было подмести и вымыть пол, чтобы на следующее утро к приходу мадам Буан в ее владениях было чисто и опрятно.

– Бонжур, Элиан. Я готовлю бланкет¹⁰ к обеду, так что принеси моркови и картошки. Еще нужны листья мяты для отвара господина графа. И ты вроде говорила, можно добавить что-то еще, от чего он быстрее поправится? Я все-таки волнуюсь из-за той язвы у него на ноге.

– Мама говорит, чабрец лучше всего для кровообращения и борьбы с инфекцией. Я принесу побольше. И базилик тоже помогает выздороветь, как и мятный чай. В горшке в углу сада еще растет сколько-то, пожалуй, стоит занести весь внутрь, если хотим сохранить его на зиму.

⁷ Бегун – верхний камень жернового постава.

⁸ Лежак – нижний камень жернового постава.

⁹ Bonne journée (фр.) – хорошего дня.

¹⁰ Бланкет (от фр. blanquette) – рагу из телятины или курицы под белым соусом.

Мадам Буан кивнула:

– И захвати еще пригоршню листьев шалфея, ладно? Твой шалфейный чай и правда помогает успокоить эти треклятые приливы. Вчера ночью я спала гораздо лучше.

Хотя лето подходило к концу, огород Элиан все еще благоденствовал под защитой садовых стен. Садовник выделил ей несколько неиспользуемых грядок под травы и лекарственные растения. Удобно было (особенно в такое время года) иметь доступ к этим защищенным сухим участкам земли вдобавок к ее более затемненному саду у реки. Так она могла выращивать больше растений в разных условиях. Когда Элиан попросила разрешение использовать лишние грядки, граф был в восторге от того, что Шато поможет Лизетт с растениями, которыми та лечит больных со всей округи.

Каменные стены сада уже впитывали лучи утреннего солнца, когда Элиан вошла в садовые ворота. Первые пчелы были заняты работой, добывая дразняще-сладкий нектар из головок чабреца и розмарина. Сегодня в их движениях была деловитая торопливость, и Элиан поняла, что по смягчившемуся, почти уже осеннему, солнцу они почувствовали, что пора торопиться с запасами корма на зиму. Она больше не будет забирать у них мед, пока они не нанесут новой пыльцы следующей весной, – чтобы им хватило запасов на приближающиеся суровые месяцы.

Она выкопала овощи, улыбаясь зарянке, которая наблюдала за ней с ветки груши и немедленно слетела вниз, порывшись в свежевскопанной земле в поисках чего-нибудь вкусенького на завтрак. Достав из кармана передника нож, она срезала травы и убрала все в корзинку. У нее также был список трав, нужных матери, но их она соберет в конце дня, когда солнце прогреет листья и выделятся эфирные масла – важнейшая часть лечебных смесей.

Вернувшись на кухню, она сняла ботинки и поставила их на коврик у двери. Обула ноги в сабо¹¹, которые носила внутри шато, и принялась за свои повседневные дела.

¹¹ Деревянные башмаки, элемент традиционной французской одежды.

Аби, 2017

Какое-то мгновение я не могу понять, где нахожусь. Лучи раннего солнца, пробивающиеся через щели в ставнях, отбрасывают косые тени на подушку, а мои ноги, которым должно бы быть тесно в узком спальном мешке, свободно скользят по гладким простыням. И тут я вспоминаю. Значит, Шато Бельвю и его владельцы не были плодом моего воображения, придуманными мне во время сна – лучшего за последние несколько лет.

Я смотрю на часы. Еще рано. Тома сказал, что отвезет меня в центр йоги после завтрака, ему все равно нужно в ту сторону. Я еще раз с наслаждением потягиваюсь, пользуясь комфортом нормальной кровати, а потом неохотно откидываю одеяло и спускаю ноги на пол. Я понимаю, что эта комната – часть бизнеса Сары и Тома, а я уже создала им лишнюю работу, так что я снимаю постельное белье и прибираюсь в ванной, чтобы комната выглядела так, будто меня в ней и не было.

Пока я собираю в кучу постельное белье, меня внезапно накрывает воспоминание. Это простое повседневное действие вдруг вызывает ассоциации, которые задевают меня за живое, до самой глубины души. Я мысленно вижу себя подростком: вот я снова в той квартире, пытаюсь прибрать мамину кровать. Она, как обычно, весь день пила. Вернувшись с уроков, я уговариваю ее встать с мокрой постели и помогаю забраться в ванну. Потом, оставив ее сидеть в чистой одежде в кресле у газового камина и молясь про себя, чтобы она не подожгла саму себя и квартиру, я заталкиваю простыни в мусорный мешок и плетусь в прачечную за углом. Я оставалась сидеть в теплом, пахнущем порошком помещении, делала домашние задания, пока вокруг меня грохотали и ворочали вещи стиральные машины. Если в тот день у нас было достаточно денег, я бросала в сушилку пятьдесят пенсов и возвращалась домой со стопкой аккуратно сложенного, все еще теплого белья. Но чаще всего, а особенно в конце месяца, мне приходилось забирать все еще мокрые простыни. Когда я дотаскивала тяжелую поклажу до дома, чтобы развесить белье на пластиковой сушилке у камина, у меня болели руки.

«Проявлять сочувствие» – сказали бы сейчас. Для меня это было просто выживание. Я ужасно боялась альтернативы, того, что меня у нее заберут. Наверное, дети почти всегда хотят оставаться со своими родителями, несмотря ни на что. Так что, даже когда с мамой становилось совсем плохо, я никому не говорила, а просто присматривала за ней как могла.

Ее семья ясно дала понять, что не хочет иметь с ней ничего общего, когда она забеременела мной. Я понятия не имею, кто был моим отцом, и, честно говоря, не уверена, что мама сама знала. Она рассказывала разное, в зависимости от того, сколько выпила и в каком была настроении. Они у нее менялись от абсолютного счастья до полнейшей депрессии... Может быть, он и правда был солдатом, погибшим в несчастном случае на учебных маневрах вскоре после моего зачатия. А может, австралийским туристом, который исчез, не оставив своего номера (и даже своего имени). Или просто грязным проходимцем, который воспользовался девушкой, которая была слишком пьяна, чтобы понимать, что делает. Как бы там ни было, мы были командой, мама и я, и мы прекрасно справлялись сами по себе. При условии, что она была достаточно трезвой, чтобы получить пособие и не просаживала все в винном магазине по пути домой.

Я встряхиваю головой, смахивая с себя воспоминание, и несу сверток с постельным бельем вниз. Сара уже хлопчет на кухне.

– Доброе утро, – говорю я. – И спасибо, я уже сто лет так хорошо не высыпалась. Куда это убрать? – показываю ей охапку белья. – Если дашь мне свежие, я застелю постель. Я прибралась, но хочу еще быстренько пройтись по комнате пылесосом, тогда она будет готова для гостей.

Она одобритительно кивает:

– Давай их сюда. Суну в мешок для грязного белья. Спасибо, это для нас большая подмога. Я помогу тебе заново заправить кровать, но сначала садись позавтракай.

Весело насвистывая, входит Тома, и мы рассаживаемся вокруг кухонного стола, накрытого скатертью в красно-белую клетку. Я беру свежие фрукты и большую миску хлопьев, а Сара наливает каждому по чашке ароматного кофе.

Тома и Сара обмениваются взглядом.

– Слушай, Аби, – говорит она. – Я знаю, это прозвучит сумасшедше, и все это совершенно неожиданно, но не хочешь ли ты попробовать поработать летом в Шато Бельвю? Мы с Тома обсудили это вчера. Ты кажешься очень практичной, и я уверена, ты всему быстро научишься. Бог свидетель, ты окажешь нам огромную услугу, потому что мы отчаянно нуждаемся в еще одной паре рук. Можешь жить в мельничном доме, если только тебя не смущает, что там немного идет ремонт. Но я обещаю, комната, в которой ты будешь спать, будет настолько далеко от мусора и шума, насколько возможно. Она точно будет гораздо удобнее палатки!

– Вы серьезно? – смеюсь я. – Вы же только что со мной познакомились.

– Да, но я вижу, что мы хорошо ладим. Боюсь, зарплата не очень большая, но ты сможешь питаться здесь, а это уже кое-что. Думаю, ты отлично впишешься в команду. Я понимаю, что все это очень неожиданно, но, может, ты обдумаешь предложение до конца недели, пока завершаешь ретрит? А потом, если решишь, что хочешь попробовать, то посмотришь, как там пойдет.

Я думаю о пустой квартире, ждущей меня в Лондоне, об огромных окнах во всю стену, выходящих на доки и громадный растянувшийся город за ними, и о том, какой одинокой и отделенной от всех я себя чувствую среди миллионов горожан. У моей жизни там нет цели и смысла. А здесь, понимаю вдруг я, мне будет чем заняться. Я не буду часами торчать в собственных мыслях, потому что нужно будет думать о куче других вещей. Свадьбы! Вечеринки, которые нужно организовать. Гости, о которых нужно позаботиться.

Но я вновь начинаю сомневаться. Справлюсь ли я с работой? А вдруг я их подведу? Вдруг чей-то особый день будет испорчен из-за моей ошибки? Что, если у меня случится паническая атака от большого количества людей и я рухну на пол, задыхаясь, прямо в разгар чьего-то изысканного приема?

Будто читая мои мысли, Сара ободряюще улыбается.

– Аби, я знаю, ты сказала, что в последнее время была не совсем здорова, и если это что-то такое, отчего ты не можешь работать, мы пойдем. Но мне кажется, ты очень способная – может быть, даже способнее, чем сама сознаешь. Можешь попробовать в порядке эксперимента, а если в какой-то момент решишь, что больше не хочешь оставаться, сразу же уедешь домой. Если честно, любая помощь, которую ты сможешь оказать, будет лучше, чем ничего. Это освободит время Тома, и он сможет днем продолжать работу в мельничном доме. Без этого проект сильно растянется, а управляющий банком будет не очень-то счастлив. Да, проводить свадьбы – довольно тяжелая работа, но возможно, ты обнаружишь, что она еще и довольно приятная.

Я перевожу взгляд с Сары на Тома и снова на Сару. Оба ждут моего ответа.

И тут я решаюсь. Похоже, я совсем не усвоила урок об опасностях спонтанных решений, несмотря на события вчерашнего дня, потому что сейчас я с широкой улыбкой говорю:

– А в спальне мельничного дома найдется место под коврик для йоги? Если да, я, пожалуй, могу начать прямо сейчас.

Элиан, 1938

– Можешь передать мне скалку, если она тебе больше не нужна, Элиан?

Мать и дочь активно хлопотали на мельничной кухне, чего требовала подготовка к праздничным выходным. Элиан нарезала груши, которые мадам Буан разрешила ей взять домой из сада шато, и аккуратно выкладывала их на пирог с франжипаном¹².

Лизетт с одобрением посмотрела на ее работу:

– Очень хорошо, выглядит идеально.

– Я особенно старалась, раз Мирей приезжает домой. Она теперь, наверное, привыкла к изысканным парижским кондитерским, и наши домашние угощения покажутся ей слишком простыми. Думаешь, она изменилась, мама? Наверное, она теперь очень утонченная.

Лизетт рассмеялась и покачала головой:

– Только не наша Мирей. Ты же знаешь, пирог с грушей – ее любимый десерт. Он для нее будет вкуснее, чем любой, купленный в магазине, пусть и парижском. Но вот на ее одежду мне очень хочется посмотреть. Работая в таком престижном ателье, она должна знать все о последних модах.

К счастью, в этом году День Всех Святых¹³ выпал на вторник, поэтому сестре Элиан, Мирей, разрешили взять выходной еще и в понедельник. Она возвращалась на мельницу впервые с тех самых пор, как уехала в мае, чтобы начать карьеру в качестве ученицы портнихи в парижском доме моды.

Ив, насвистывая, вошел в кухню, сопровождаемый шквалом опавших листьев, заносимых октябрьским ветром при открывании двери. Он с триумфальным видом поставил на стол плетеную корзину с крышкой. Лизетт подошла посмотреть, что внутри.

– О-ля-ля, какие красавцы!

– Восемнадцать лучших раков, какие только есть в реке. – Он вынул одного толстого рака и сделал вид, что пытается ущипнуть Элиан грозными клешнями за ухо. Она невозмутимо отмахнулась от него, а он схватил кусочек оставшегося теста и забросил в рот.

Звук заехавшего в сарай автомобиля притянул всех к кухонной двери. И вот Мирей уже внутри, завитки темных волос спутались под порывами октябрьского ветра, смеется и ахает в окружении семьи.

Она поставила сумку и остановилась, глубоко вдыхая запахи дома, впитывая все вокруг. Вот мягкие звуки реки, вращающей мельничное колесо; ива, полощущая свои листья в заводи; деловито клюющие что-то в пыли куры; коза с козленком, пасущиеся на пастбище за фруктовым садом. А внутри знакомые запахи дома и чего-то вкусного на плите; слабые ароматы трав и лекарственных растений, сохнувших рядом с каминной трубой. И главное – объятия ее отца, матери, сестры и брата, ее семьи.

– Что за элегантная сумка! – воскликнула Лизетт. – А твой жакет!

– У-у, как модно, – принялся подтрунивать Ив, забрав у сестры сумку и жеманно прохаживаясь с ней по кухне. – Мадемуазель Мирей Мартен теперь чересчур хороша для Мулен-де-Кульяк!¹⁴

– Не настолько, чтобы как прежде не поколотить дерзкого младшего братца, – возмутилась Мирей и, налетев на него, пыталась заломить его руку за спину, пока он не вернул ей сумку. – На самом деле не могу дождаться, когда опять переоденусь в свою удобную одежду и сабо.

¹² Миндальный крем, традиционно используемый во французских десертах.

¹³ Религиозный праздник, чествующий всех святых. В католицизме отмечается первого ноября.

¹⁴ Мельница в Кульяке.

Гюстав внес ее багаж.

– Отнесу сразу наверх в твою комнату, хорошо?

– Идем, Элиан, – Мирей взяла сестру под руку. – Помоги мне распаковать вещи. У меня для тебя подарки.

Сестры делили спальню под крышей мельницы, окна которой выходили на плотину и простирающиеся за ней поля. В комнате слабо пахло пчелиным воском и лавандой из мешочков, которые лежали для ароматизации в комод и в высоком гардеробе из орехового дерева в углу. Гюстав поставил сумки рядом с одной из кроватей. Мирей, зайдя в комнату, сразу бросилась на расшитое веточками стеганое покрывало.

– Как хорошо быть дома, – вздохнула она.

Элиан поставила в изголовье ее кровати букетик осенних ягод в маленькой фарфоровой вазе, и теперь в падающем на них солнечном свете они сияли ярко-красным.

– Идем, – сказала Мирей, похлопав по покрывалу. – Расскажи мне новости. Как тебе работается в Шато? Ты уже укротила дракона по имени Мадам Буан? И как теперь здоровье господина графа?

Элиан уселась на кровать рядом с сестрой, поджав под себя ноги.

– Все хорошо. Работа мне нравится. Мне много чего разрешают делать в огороде, так что я не всегда в четырех стенах, а теперь там со мной мои пчелы. Девять семей! И на следующее лето станет еще больше, если они станут роиться. Мадам Буан не так уж плоха, она только лает, но не кусает. Мы теперь неплохо ладим. А здоровье господина графа улучшилось. Благодаря маминым травам и регулярным медовым припаркам язва у него на ноге хорошо заживает. Он добрый хозяин, как всегда по-настоящему благороден. Но расскажи же мне о Париже. Ты уже шила для кого-нибудь из кинозвезд? Как ты выносишь весь этот шум и толкотню? И такие толпы людей? Не представляю.

Широко раскрыв глаза, Элиан слушала, как Мирей описывает свою комнату в подвале, в которой она живет с двумя другими портнихами, дорогу на работу в быстро мчащемся, гремящем трамвае и требовательных парижанок, которые приходят в салон на примерки дорогих костюмов. Мирей покопалась в одной из сумок.

– Вот, я привезла вам с мамой выкройки. Подумала, может, вам захочется по каким-то из них сшить. Они сейчас очень в моде.

Тут голову в дверь их комнаты просунул Ив.

– Посмотрите-ка на вас, сплетничаете? Элиан уже рассказала тебе о своем кавалере? – ухмыльнулся он, в то время как Элиан покраснела.

– Он не мой кавалер, он просто друг. И вообще, он больше времени проводит с тобой на рыбалке, чем со мной. Он такой же друг тебе, как и мне.

– Ха! Как скажешь, конечно, только вот мы с ним не сидим часами под ивой, держась за руки и глядя друг другу в глаза.

– Вот оно что, – сказала Мирей серьезно, но смешинки в ее темных глазах противоречили этой серьезности. – И как же этого «его» зовут, позвольте узнать?

– Матье Дюбоск, – с готовностью откликнулся Ив. – Он отличный рыбак, всегда знает, где прячутся большие рыбы. И в охоте понимает. И почти так же хорошо разбирается в грибах, как Элиан. А еще он через несколько минут придет с нами обедать.

– Ну, мне не терпится с ним познакомиться, – заверила Мирей и отвлекла внимание брата, протянув ему небольшой сверток в коричневой бумаге, перевязанный бечевкой.

Ив присвистнул, обнаружив внутри перочинный нож с роговой рукояткой.

– Только посмотри, какой острый. Фантастика. Спасибо, Мирей.

– А теперь... – Мирей поднялась и собрала охапку похожих свертков. – Идемте раздадим это маме с папой и поможем накрыть стол к обеду.

* * *

Пока все собирали с тарелок последние крошки сочного франжипана и сладкого теста, Элиан оглядела собравшуюся за кухонным столом семью. Она боялась, что этот первый обед на мельнице будет тяжелым испытанием для Матье. Но, отвечая на вопросы Гюстава о сборе винограда и расспросы Лизетт о его доме в Тюле¹⁵, он не проявлял обычной застенчивости. Элиан уже рассказала родителям, что его мать умерла от большой потери крови (величайшего страха каждой акушерки) после родов младшего брата Матье, Люка.

– Завтра я еду домой поездом, чтобы успеть к празднику¹⁶. Мы всегда относим цветы на могилу матери. Я не виделся с отцом и братом с начала сбора винограда, так что хорошо будет обменяться новостями. Они работают на ферме неподалеку от города, в основном разводят скот на мясо и кормовые культуры.

Гюстав наконец отложил вилку, неохотно признавая, что на тарелке больше ничего нет.

– И вы вернетесь на ферму после того, как закончите обучение в Шато-де-ла-Шапель?

Не в силах сдержаться, Матье бросил взгляд на Элиан, сидящую напротив, и его загорелое лицо залилось румянцем.

– Не уверен. Отец хотел, чтобы я посмотрел на работу виноделов, и я увидел, что это очень интересно. Да и этот край мне нравится, так что я могу остаться у Кортини немного дольше. Они уже предложили мне это, так что завтра я скажу отцу. В конце концов, Кульяк не так уж далеко от Тюля... – Он умолк, внезапно осознав, что, возможно, выдал слишком много.

Элиан улыбнулась ему. Больше всех похожая на Лизетт из всех троих детей, она унаследовала материнское чутье и поразительную способность видеть скрытое в глубине, угадывая сокровенные мысли и чувства людей. Она поняла невысказанную надежду Матье на то, что их будущее будет совместным. Первые робкие искорки взаимной симпатии превращались в нечто гораздо более глубокое, чем дружба, и с каждым днем все крепче связывали их друг с другом.

Она встала из-за стола собрать пустые тарелки. Когда Матье протянул ей свою, на одно мгновение кончики ее пальцев коснулись его руки. Прикосновение было легким, как крыло бабочки, и весомым, как обещание, которое не нуждается в словах. Он поедет домой почтить память матери и возложить цветы на ее могилу, так же как и Мартены посетят маленькое кладбище в Кульяке, чтобы отдать дань уважения предкам. Но когда праздник останется позади, а ноябрь начнется по-настоящему, он вернется и они снова смогут быть вместе.

* * *

Элиан и Мирей оперлись локтями о ворота конюшни и наблюдали за тем, как свинья зарылась носом в кормушку и довольно сопит, выискивая среди картофельных очисток ботву репы.

Элиан почесала палкой за ухом животного.

– Видишь, она уже нас простила.

У них ушел почти час, чтобы найти свинью в лесу, где, как оказалось, она наслаждалась осенними желудями, а потом с помощью ведерка аппетитных помоев убедить ее вернуться в свинарник. Возможно, она предчувствовала, какая судьба ожидает ее с наступлением зимних холодов. Но до того дня она будет получать хороший корм и заботу.

¹⁵ Тюль – небольшой город на юго-западе Франции в регионе Лимузен.

¹⁶ Вслед за Днем Всех Святых 1 ноября отмечается День всех усопших верных. В этот день католики поминают покойных членов семьи, посещают их могилы на кладбищах.

Свинарник был скорее маленькой пещерой, выдолбленной в стене известняка, сквозь который река тысячелетиями прорезала свое русло. Утес резко поднимался за мельницей и взмывал вверх, образуя опору, на которой, высоко над ними, примостился Шато Бельвю. Древние подземные потоки, большинство из которых давно исчезли, прорезали сквозь пористый камень сеть туннелей по всему региону. Один из таких туннелей служил невидимым мостом между мельницей и шато. По словам графа, когда шато в Средние века подвергалось осаде, тот стал спасительной артерией. Нападавшая армия не могла понять, как предки графа, запертые внутри, много недель живут без еды и воды. В конце концов, они устали от скуки и ушли.

Туннель годами был засыпан с обоих концов, пока Гюстав не убрал камни, закрывавшие вход, чтобы использовать это место для хранения вина. Эту естественную кладовую также использовали после забоя животных, прохлада и темнота в ней создавали идеальные условия для хранения копченого мяса и кровяных колбасок, а также баночек паштета, который Лизетт готовила на зиму. Старая дверь, закрытая несколькими листами рифленой жести, скрывала вход в туннель и делала наружную часть пещеры уютным домиком для свиньи. Та сейчас прилегла подремать на удобной подстилке из соломы.

Мирей вынула из кармана горсть желудей и бросила их в корыто. Они упали со звуком, похожим на стук града, и свинья открыла один глаз.

– Я много по чему из дома скучаю, – заметила она, – но я рада, что меня здесь не будет, когда придет твое время.

Свинья хрюкнула в ответ.

– Трудно представить тебя в Париже – ходишь в красивых платьях и работаешь в изысканном ателье. Думаю, мне бы совсем не понравилось жить в большом городе.

– Да, городская жизнь не для всех, – улыбнулась Мирей. – Одна из учениц уже собрала вещички и вернулась домой в Нормандию. Она ненавидела Париж. Чтобы завести там друзей, нужно время. Странно, что среди такого количества людей можешь быть более одиноким, чем проживая в деревне. Но я теперь подружилась кое с кем из других учениц и мне нравится работа, хотя некоторым клиентам просто невозможно угодить! Может, когда-нибудь ты навестишь меня и я тебе там все покажу.

– Маме не нравится, что ты теперь так близко к Германии. Все волнуются с тех пор, как нацисты вошли в Чехословакию.

– Не беспокойся, в Париже достаточно безопасно. Иначе город не наводнило бы столько беженцев. Лучшее, что можно сделать, это заниматься своими обычными делами. Может быть, вы с мамой сможете приехать вместе. Я покажу вам все достопримечательности. Эйфелева башня невероятная, а церкви просто громадные!

Элиан подумала о маленькой капелле¹⁷, в которую они завтра пойдут возложить праздничные цветы на могилы предков. Глядя на ее простые выкрашенные побелкой стены и прочные дубовые балки, она всегда ощущала себя в безопасности. На церковном кладбище воздух будет благоухать от насыщенного запаха хризантем, заверяя души усопших в том, что они не забыты и могут покоиться с миром. И хотя еще один год подходил к концу, все напоминало о том, что сезоны сменяются и после зимнего умирания вместе с весной придет возрождение.

Она подумала о Матье, он сейчас должен быть в поезде. Ее сердце забило быстрее, когда она вспомнила часы, проведенные вместе на берегу реки. С другими он обычно был молчалив, но когда они оставались наедине, он расслаблялся и делился с ней своими надеждами и мечтами. Она улыбнулась, подумав о том, как светились его темные глаза, когда он описывал свою работу на винограднике. Потом она напонила себе, что сегодняшняя поездка будет для него нелегкой... Как грустно ему, должно быть, возлагать цветы на могилу матери, каждый год с ее смерти.

¹⁷ *Капелла* – в католицизме домовая церковь в замках и дворцах для частных богослужений.

Мирей как будто прочла ее мысли.

– А Матье – милый. Я рада была с ним познакомиться.

– Он всем нам хороший друг, – кивнула Элиан.

– Мне показалось, для тебя он хотел бы быть не просто другом, малыш, – ухмыльнулась

Мирей.

Элиан покраснела, но продолжила старательно чесать шею свињью. Потом улыбнулась в ответ.

– Он мне тоже нравится. Очень. Я чувствую, что...

– Что?

– Что это правильно. Что у нас есть будущее. Я могу представить нас вместе.

– Ну, если ты так чувствуешь, значит, так оно и есть. Я рада. – Мирей с любовью сжала руку сестры.

В этот момент Лизетт открыла кухонное окно. Помедлив минуту, чтобы полюбоваться двумя своими девочками, обменивающимися секретами, она окликнула их:

– Принесете еще дров для камина, когда будете заходить? Ужин почти готов.

Аби, 2017

Моя спальня на чердаке мельничного дома – оазис спокойствия и порядка среди хаоса строительных работ.

«Мы начали сверху и постепенно спускаемся вниз», – объяснил Тома. Они со строителями создали светлую, воздушную комнату с побеленными известью балками и ванной в уголке. Там старомодная ванна на ножках, в которой я могу вволю отмокать, и деревянная вешалка для полотенец с двумя пушистыми полотенцами от Сары. Она настояла на том, чтобы принести из шато несколько вещиц, чтобы добавить финальные штрихи: потертый, но все еще красивый обюссонский¹⁸ ковер, акварель, изображающую пчелиные ульи под цветущим деревом, и балдахин из москитной сетки, не только красивый, но и практичный, который она повесила над изголовьем кованой кровати. Я смогу закрывать его. И когда ночи станут теплее, я буду оставлять окна открытыми, чтобы прохладное дыхание реки ласково касалось меня во время сна.

Когда я объявила о своем решении покинуть йога-ретрит и провести лето, проживая и работая в Шато Бельвю, Пру сначала была настроена крайне неодобрительно. Но Сара пригласила ее посмотреть, где я буду жить, и Пру явно впечатлилась. Я пообещала регулярно писать ей и рассказывать, как у меня дела, а также убедить ее, что Сара и Тома на самом деле не какие-то рабовладельцы, удерживающие меня против воли.

После первой ночи, несмотря на то, что я была в незнакомой комнате, в чужом доме и чужой стране, я сразу же почувствовала себя как дома. Белые стены спальни излучают спокойствие и безмятежность (даже когда строители нарушают тишину и покой, работая где-то в доме шумными электроинструментами). А от медового цвета половиц слегка пахнет пчелиным воском, и этот запах наполняет мои сны.

Этот дом, твердо стоящий у несущейся мимо реки, чьи воды взбиваются в пену, каскадом ниспадая над плотиной, излучает какое-то тихое постоянство. Огромное мельничное колесо больше не вращается, хотя Тома сказал – запустить его снова было бы не так уж трудно.

– Здесь всего несколько десятилетий назад еще мололи муку, – сообщил он. – Попроси Сару рассказать тебе историю семьи, которая здесь жила. Сейчас-то все выглядит мирно, но в годы войны эта область была оккупирована нацистами. Здесь до сих пор остались следы того времени. Может быть, раны немного и затянулись, но они никуда не делись.

После этих слов я оглядываюсь вокруг, глядя на грациозные ветви ивы, полощущей в воде зеленые пальцы, на группу древних зданий, чьи кремовые каменные стены купаются в лучах июньского солнца, и на заводь под пенящейся плотиной, где скользят ярко-голубые стрекозы. Сложно представить себе в этом месте что-либо кроме гармонии. Но, стоя там, я провожу ладонями по рукам и чувствую не до конца зажившие рубцы от собственных ран, которые я прячу под рубашкой. Я знаю не хуже других, что иногда нужно заглянуть поглубже, чтобы узнать настоящую историю места. И человека.

И тут мне вспоминается кое-что, сказанное Сарой, когда мы переносили мои вещи в мельничный дом. Ставя на пол свою маленькую сумку с пожитками, я сказала задумчиво:

– Забавно, правда? Какие разные дороги привели нас сюда, совсем из разных мест и с разным прошлым.

– Знаешь, Аби, – улыбнулась она, – все мы таскаем за собой что-то из прошлого. Может быть, это как раз то, что есть общего у всех людей, то, что нас объединяет. Когда узнаешь эти места немного лучше, ты начнешь замечать. – Ее глаза потемнели и казались невероятно глубокими. – Есть в этом уголке что-то особенное. Он с давних пор притягивал к себе людей. Не

¹⁸ В местечке Обюссон с XIV века производят всемирно известные ковры и гобелены.

только туристов и приезжающих на йога-ретриты, но паломников и всяких других. Местные говорят, здесь сходятся в одной точке три очень древние силовые линии. А еще в этой области три реки: Ло, Гаронна и Дордонь. Три паломнических дороги в Сантьяго-де-Компостела¹⁹, идущих с севера, тоже встречаются здесь. Кто знает? Называй как хочешь, но, может быть, и есть что-то, что приводит людей в это место именно тогда, когда им это нужнее всего. – Она бросает на меня хитрый взгляд. – Как бы там ни было, я рада, что наши дороги пересеклись именно сейчас.

Стоя сейчас у реки, я снова касаюсь шрамов под рукавами и думаю, что *я тоже*.

¹⁹ Город в Испании, конечный пункт паломнического Пути святого Иакова.

Элиан, 1939

День после Страстной пятницы был единственным, когда на мельнице растапливалась древняя печь для хлеба. У всех теперь были удобные современные плиты, а у кого-то и новая электрическая. Но в семье Мартенов существовала традиция, передаваемая из поколения в поколение: печь плетеные буханки хлеба к Пасхе в настоящей дровяной печи.

Матье стал у них частым гостем, проводя все свободное время с Элиан. В последние месяцы их нередко можно было увидеть работающими рядышком в огороде у реки, они расчищали остатки зимних растений и готовили землю к весенним посадкам. В эти пасхальные выходные он пришел помочь Иву с Гюставом развести огонь и довести печь до нужной температуры. На кухне Элиан, напевая про себя, помогала матери и Мирей, снова на несколько дней приехавшей из Парижа, месить тесто для хлеба, а потом плести из него буханки. Они еще какое-то время будут расстаиваться в тепле у плиты и только потом их посадят в печь.

Весна всегда была одним из ее любимых времен года – сезон новой жизни и новых начинаний. За стенами сада в шато пчелы теперь каждый день вылетали из ульев, блаженно собирая нектар с грушевых цветов, белой пеной рассыпавшихся над ними.

Как-то на прошлой неделе граф вынес в сад стул и свои принадлежности для рисования и начал рисовать эту сцену. «Это время всегда кажется таким полным надежд», – бросил он, пока Элиан собирала молодые листья салата ему к обеду, хотя оба они знали, что в этом году весну омрачают новости, идущие из-за восточных границ страны.

Мирей рассказала, что Париж заполняют беженцы, стекающиеся из Австрии и Чехословакии, которые теперь оккупированы нацистами. Элиан приходили в голову мысли о том, каково это – проснуться однажды и обнаружить, что твоей страной управляют захватчики.

– Неужели ты не боишься, что следующим станет Париж? – снова спросила она сестру.

Мирей решительно покачала головой и еще раз хорошенько стукнула тесто об стол.

– Не посмеют! Подумай, какая будет реакция. Франция и ее союзники не станут сидеть сложа руки и не позволят немецкой армии взять и пересечь границу. В парижских газетах каждый день пишут о политических и дипломатических усилиях, которые прикладывают, чтобы остановить это безумие. В конце концов они победят: никто не хочет еще одной войны по всей Европе. Но мне жаль беженцев, – продолжила она. – У нас в ателье сейчас работает одна. Она из Польши, ее зовут Эстер. Она ждет ребенка. Представьте, насколько она должна была быть в отчаянии, чтобы оставить дом в таком положении, взяв всего лишь немного вещей. Ее муж в польском воздушном флоте. А иногда видишь целые семьи, часто с маленькими детьми. Париж теперь ими битком набит. Поговаривают, могут закрыть французские границы, чтобы больше не приезжали.

Лизетт закончила мыть посуду, накопившуюся в раковине, и вытерла руки тряпкой.

– Как бы я хотела, чтобы ты вернулась домой, Мирей, хотя бы пока все немного не поутихнет. Мы беспокоимся о тебе.

– Не волнуйся, мам. Думаю, Париж не опаснее любого другого места во Франции. Я люблю работу в ателье и получаю хороший опыт, занимаясь настоящей модой. Здесь у меня не будет таких возможностей. Так что в ближайшее время я останусь там. Я всегда смогу приехать домой, если худшее действительно произойдет.

В дверном проеме появился Матье, его огромная фигура на мгновение заслонила солнечный свет.

– Гюстав говорит, печь готова, – сообщил он. Он подошел к Элиан и заглянул ей через плечо, посмотреть, что она делает. Она повернулась и бросила ему в рот кусочек сладкого теста, а потом поцеловала в щеку. Он обнял ее и притянул к себе, но вспомнил, где находится, и сконфуженно взглянул на Лизетт.

Та ласково улыбнулась ему с другого конца кухни.

– Мы с нетерпением ждем возможности познакомиться завтра с твоим отцом и братом, Матье. Так славно, что они могут побыть с тобой на Пасху, и так любезно со стороны Кортини пригласить нас всех на обед.

– Знаю, – улыбнулся он своей застенчивой улыбкой. – Я тоже этого жду. – Почувствовав себя увереннее, он снова одной рукой обнял Элиан. – Они удивлялись, чем это я так занят в винном погребе, когда в виноделии особо нечего делать, что не могу чаще их навещать. Я сказал им, что меня занимала подрезка винограда, но, пожалуй, они начинают что-то подозревать!

– Думаю, сейчас они не только подозревают... – рассмеялась Мирей. – Тюль не так уж далеко от Кульяка, чтобы до них не доходили сплетни!

– Верно, тесто уже достаточно расстоялось. – Чтобы сменить тему, Элиан приподняла уголок салфетки, закрывавшей тесто от залетающих в дом сквозняков.

– По-моему, то что надо, – улыбнулась Лизетт.

– Тогда вот, Мирей, ты отнеси один, а ты, Матье, этот. Пора им в печь.

* * *

Было утро пасхального воскресенья. После церковной службы колокола, молчавшие со Страстной пятницы, затрезвонили во всех деревушках, радостно возвещая, что Христос воскрес. Одетые в лучшую праздничную одежду, Мартены поехали в Шато-де-ла-Шапель в соседней коммуне²⁰ Сент-Андре. В подарок они везли золотистый плетеный хлеб и ведерко яиц, которые Элиан покрасила натуральными красками, собранными в кладовой из зимних растений: желтая от луковой шелухи, темно-розовая от свеклы и лазурная от листьев краснокочанной капусты.

Было достаточно тепло, чтобы выпить аперитив²¹ на улице. Кортини были радушны и гостеприимны и особенно рады разделить свои вина с друзьями и соседями. Под раскидистыми ветвями грецкого ореха, на которых только начинали распускаться новые зеленые листочки, стоял накрытый стол с тарелками паштета, оливок и маленьких редисок, а также вереница винных бутылок.

Матье представил Мартенов отцу и брату. Оба они сначала были не менее молчаливы, чем сам Матье. Но позднее, когда полилось вино и они оказались в центре веселой компании, они расслабились и стали разговаривать гораздо больше. Люк болтал и обменивался шутками с Ивом и сыном месье Кортини, Патриком, а месье Дюбоск вступил в оживленный разговор с Гюставом и месье Кортини о состоянии французского сельского хозяйства и достоинствах механизации по сравнению с использованием лошадей. Матье и Элиан держались за руки под столом и наблюдали, как между их семьями завязываются новые связи.

Наконец все встали из-за стола, сытые после обильного и сочного жареного барашка, запитого лучшим красным вином месье Кортини.

– Так скажите... – обратился месье Дюбоск к месье Кортини. – Значит, вы сделаете винодела из моего старшего сына?

– У него отличные способности, и он надежный работник и в погребе, и на винограднике. Я с радостью оставлю его, если он захочет.

– Я рад это слышать. Ну, а ты что скажешь, Матье? Хочешь заниматься виноделием вместо того, чтобы вернуться на нашу ферму к скоту и полям?

– Я... Я не уверен, папа. Я знаю, что летом буду нужен вам, чтобы помочь с урожаем. Но мне правда здесь нравится. Нравится работать на винограднике. Изучать, как делают вино... –

²⁰ Наименьшая административно-территориальная единица во Франции.

²¹ Как правило, слабоалкогольный напиток, подаваемый перед едой, чтобы вызывать аппетит и улучшить пищеварение.

заверил он и замолчал, не в силах сказать что-либо еще. Элиан мягко сжала его руку под ска-тертью.

Месье Дюбоск бросил на сына пронизательный взгляд из-под густых бровей и улыбнулся.

– Не волнуйся, сын, я вижу, что это место пошло тебе на пользу. Ты многому учишься и взрослеешь. Я благодарен всем добрым людям, ставшим тебе друзьями. – На этих словах его темные глаза обратились на Элиан. – Если месье Кортини готов оставить тебя, тогда я, пожалуй, найду кого-нибудь в Тюле для помощи с урожаем. И посмотрим, что будет дальше.

– Превосходно! – хлопнул в ладоши месье Кортини. – Это требует стаканчика чего-нибудь особенного, чтобы отпраздновать. Кажется, в погребе есть бутылка арманьяка...

* * *

Ночью, когда сестры лежали в своей спальне на чердаке, слушая мягкие возгласы сов, Мирей прошептала:

– Элиан? Ты спишь?

– Нет.

– Хорошая была Пасха, да?

Элиан не сразу ответила.

– Одна из лучших.

– Я рада, что вы с Матье так счастливы. Вы правда подходите друг другу.

– Его семья кажется приятной, да ведь?

– Конечно. Люк и Матье завтра идут с Ивом ловить рыбу. Они уже сдружились. И я заметила, что месье Дюбоск тебя одобряет, хоть он и неразговорчив. Теперь понятно, откуда это у Матье!

Когда они уснули под звуки журчащей реки, полосы лунного света, прокрававшиеся в окно, осветили довольную улыбку на лице Элиан.

Аби, 2017

Сара перебирает на кухне тряпки для уборки, раскладывая их в три пластиковых ведра, но отвлекается, чтобы представить меня деловитой на вид женщине, появившейся в дверях, и говорит мне:

– А это Карен, моя правая рука.

– Рада с тобой познакомиться, Аби, – произносит Карен с сильным австралийским акцентом, широкой улыбкой и таким крепким рукопожатием, что на пару секунд у меня немеют пальцы. – Сара рассказала мне о тебе. Говорят, ты свалилась с неба, чтобы спасти нас в последнюю минуту.

– Вообще-то, это, скорее, меня спасли.

– Как твоя берлога у реки? Не слишком грязно?

Я качаю головой:

– Комната идеальная. Там так спокойно – по крайней мере, по ночам. Когда я утром уходила, Тома как раз принес мешалку для цемента, так что, пожалуй, днем там будет не особенно безмятежно.

– Да, здесь, в Свадебной стране, точно получше, – кивает она, а потом поворачивается к Саре. – Что там у нас на эту неделю?

Сара бросает взгляд на толстую папку на столе.

– Макадамсы и Говарды: всем составом будут жить здесь, все приезжают в четверг днем. Сто двадцать гостей на свадьбе в субботу; обслуживание и напитки перед ужином в обычное время. Доставка еды и флорист запланированы на утро субботы. Вина уже в погребе. Так что сегодня утром готовим спальни. Аби, можешь работать со мной, я покажу, что к чему.

– Значит, все вроде довольно просто? – говорю я с надеждой, забирая свое ведро.

– Аби, – широко улыбается Карен, забирая собственное, – как ты скоро узнаешь, когда речь о свадьбах, ничего не бывает просто!

* * *

Шато Бельвю построен на холме на месте древней крепости, объясняет Сара, пока мы заправляем простыни и выколачиваем из подушек пыль, открывая ставни и окна, чтобы проветрить комнаты. Главное здание вмещает дюжину спален на двух верхних этажах, на нижнем кухня и несколько парадных гостиных, разнящихся по величине и обстановке от приветливых и уединенных до больших и элегантных. В главной гостиной высокие французские окна, выходящие на выложенную камнями террасу с увитой глицинией перголой. Дорожка за террасой ведет к огромному шатру (к счастью, укрепленному гораздо надежнее, чем моя палатка), где проводят свадебные приемы. А рядом с шатром высокий каменный сарай: внутри него к балке подвешен зеркальный шар, установлена мудреная на вид аудиосистема, а вдоль одной стены тянется бар. «Вечериночная», как говорит Сара.

– Тома по совместительству диджейт, а муж Карен, Дидье работает барменом. Возможно, тебе иногда придется помогать за баром, если будет особенно много гостей.

Затем она показывает мне обнесенный стенами сад, где она выращивает цветы, овощи и травы; бассейн; маленький домик, где они с Тома живут летом, когда главное здание заполнено гостями, и пристройку за сараем, где останавливается садовник, он же смотритель.

– Его зовут Жан-Марк. В первый год у нас работало несколько студентов, но многие из них ушли от нас. Жан-Марк с нами последние два года. У него золотые руки. Мы с Тома без него бы пропали. А здесь, – продолжает она, – капелла.

На двускатной крыше над древней деревянной дверью резной каменный крест. Со слепящего полуденного солнца мы попадаем в мирную тишину, где нас приветливо встречают простые каменные стены.

– Сейчас она не освящена, но мы предлагаем провести бракосочетание здесь, если жених и невеста не хотят церемонию на улице.

Я иду по проходу между рядами скамеек и останавливаюсь прочесть надпись на мемориальной доске, вделанной в стену с одной стороны от кафедры.

*Шарль Монфор, граф де Бельвю
18 ноября 1877 – 6 июня 1944
Amor Vincit Omnia*

– Он был владельцем шато в годы войны, – объясняет Сара. – Храбрый человек и очень уважаемый в этой местности.

– Что означают эти слова на латыни? – указываю я на надпись под датами жизни.

– «Любовь побеждает все», – переводит Сара. – Очень подходяще для капеллы, которую теперь используют только для бракосочетаний.

– Это место так пропитано историей, – замечаю я, когда мы выходим во дворик, вокруг которого выстроены здания. – Если бы только камни могли говорить.

Сара кивает.

– Ты скорее заставишь говорить камни, чем услышишь историю этих мест от людей. Для многих военные годы кажутся еще очень близкими, всего одно поколение назад. Люди обычно не хотят долго думать и говорить об этих воспоминаниях, они еще слишком болезненные. Возможно, некоторые вещи лучше не ворошить, пока раны не заживут.

Я вспоминаю слова Тома, сказанные прошлым вечером, о нацистской оккупации и ранах, которые никуда не делись. А потом его совет попросить Сару рассказать мне о семье с мельницы.

– Ты знаешь, что здесь происходило в то время?

– Ну, я не знаю всю историю дома, но знаю историю одного человека. Она выросла на мельнице и работала здесь в шато на графа де Бельвю. Она десятилетиями ничего не рассказывала, но, потом, наверное, почувствовала, что пришло время поведать свою историю миру.

Сара замолкает в раздумье, разглаживая вышитую льняную салфетку, которой накрыт небольшой алтарь как раз под мемориальной доской. А потом говорит:

– Ее звали Элиан Мартен.

Элиан, 1939

Элиан удалось пополнить свою бурно растущую пасеку еще тремя семьями, отроившись²² в начале лета. В течение следующих месяцев она увеличила площадь каждого улья, добавив пустые рамки над ящиками для расплода, чтобы хлопотливые рабочие пчелы наполнили их медом. Потом эти рамки можно будет забрать, не тревожа маток и трутней, важной заботой которых является обеспечить смену поколений семьи.

Уже не так сильно опираясь на трость (язва у него на ноге хорошо зажила), граф, стоя у садовых ворот, с безопасного расстояния наблюдал, как Элиан, вооружившись дымарем и закрывшись сеткой, спокойно передвигается от одного улья к другому. Она работала методично, сначала выпуская немного дыма, чтобы успокоить пчел, затем вынимая запечатанные воском рамки, тяжелые от меда, и, мягко стряхнув с них оставшихся пчел, аккуратно складывала в жестяные ведра. Вместо них она вставляла пустые рамки и снова плотно закрывала улей. Теперь пчелы примутся за новую работу – заполнить эти рамки следующей порцией сладкого нектара.

Кухня тоже гудела от хлопот. Франсин помогала со сбором меда на продажу. Она держала рамки, пока Элиан проходила по каждой ножом с широким лезвием, снимая слой воска и обнажая пчелиные соты. Из шестиугольных ячеек тут же начинало сочиться липкое жидкое золото. Отложив немного сот для графа, который особенно любил полакомиться ими с поджаренным бриошем²³ на завтрак, Элиан вставляла остальные в барабан медогонки. Затем за нее бралась мадам Буан. Она с энтузиазмом вращала ручку, чтобы выжать ценную жидкость из каждой ячейки, а Франсин следила за краном внизу, собирая мед в простерилизованные банки.

Тем временем Элиан собирала кусочки воска и складывала их в низенький котелок, стоящий недалеко от плиты, где они постепенно таяли. Потом девушки процеживали жидкость через чистую тряпку и переливали ее в банки с широким горлом. Запах воска наполнял кухню, придавая сладкий аромат их коже и волосам, пока не пропитывал их до самого основания.

Мадам Буан что-то напевала себе под нос, вращая ручку медогонки, а девушки болтали и смеялись за работой, наполняя шато жизнью.

– Я слышала, Стефани теперь зачастила гулять на винограднике в Шато-де-ла-Шапель, – заметила Франсин, выжимая мокрую тряпку, чтобы вытереть горлышки банок от налипшего меда.

Мадам Буан насмешливо фыркнула:

– Эта девица постоянно охотится – и я говорю не про кроликов!

– Ну, пора ей поискать другую добычу вместо Матье Дюбоска. Она попусту теряет время, нацеливаясь на него. Все знают, что ему, кроме Элиан, ни до кого нет дела.

Мадам Буан быстро взглянула на Элиан. Та продолжала перекладывать воск в котелок.

– Возможно, ему стоит поговорить с твоим отцом, Элиан, и объявить всем. Тогда, может, до этой Стефани наконец дойдет, и она оставит его в покое.

Элиан улыбнулась и покачала головой, безмятежно помешивая в котелке. Франсин легонько подтолкнула ее бедром.

– А чего тогда такой мечтательный вид? – спросила она подругу. Элиан сделала вид, что полностью поглощена перемешиваем расплавившегося воска, но ее выдала краска на щеках. Франсин снова ее подтолкнула. – А? – не отставала она.

²² *Роение* – способ размножения пчел путем отделения части семьи с маткой.

²³ *Бриошь* – сладкая французская выпечка из дрожжевого теста.

Вытерев руки о подол передника, Элиан повернулась лицом к допрашивающим. Она пожала плечами, оставляя попытки скрыть свои чувства. Ее глаза светились подобно опаловому небу в летний рассвет.

– Я люблю его, Франсин. И думаю, что он тоже меня любит.

Та засмеялась и приобняла ее одной рукой.

– Ну, это ясно как божий день. Любой дурак поймет, что он тебя обожает.

Элиан покраснела еще гуще, и вовсе не от близости к горячей плите. Она подняла еще несколько кусочков воска и бросила их в котелок. Внезапно посерьезнев, она снова повернулась к Франсин.

– Знаешь, я не боюсь, что Матье уведет Стефани или кто-то еще, если уж на то пошло. Я знаю, что мы будем вместе. Мы уже говорили об этом. Нам просто нужно подождать, пока он не закончит свое обучение и не получит где-то место винодела. Он понимает, что в Шато-де-ла-Шапель для него не будет постоянной работы, если только месье Кортини и Патрик серьезно не расширят виноградник. А в такое беспокойное время это маловероятно.

Мадам Буан покачала головой и нахмурилась, еще энергичнее вращая ручку.

– Как по мне, так этих жадных до власти нацистов надо остановить. Господин граф весь извелся, что нас втянут в еще одну войну. Никто этого не хочет. Он слишком много времени проводит сгорбившись над этим проклятым радио, которое день и ночь передает о конце света. Мы не должны давать этим бандитам нас запугать.

– Я согласна. Мы не можем просто не обращать внимания на происходящее, – поддержала Франсин. – Я слышала, они депортируют тысячи людей. А ситуация с беженцами в Париже становится катастрофической. Им нужно давать отпор, а не игнорировать в надежде, что они сами уйдут. Иначе мы можем оказаться их следующей целью. А ты что думаешь, Элиан?

– Я думаю, мы должны пообещать, что останемся верны себе. Что бы ни случилось. Как бы плохо ни стало. Мы должны держаться за эту истину. А еще, я думаю, мы должны делать все, что возможно, чтобы избежать еще большего кровопролития. Даже если в эту минуту кажется, что единственное, что можно сделать, это молиться. Молитесь о том, чтобы все одумались.

– Но что, если единственный способ остановить кровопролитие – это сражаться, проливая еще больше крови? – настаивала Франсин.

– Значит, мы будем сражаться, когда придет время, – ответила Элиан. Ее глаза вдруг погрустнели. Но эта грусть быстро пролетела, как облако, ненадолго заслонившее солнце, и взгляд снова стал ясным. Она энергично сказала: – Так, передай мне те крышки и давай подготовим банки к продаже, а то придет суббота, а мы все еще будем стоять здесь и переживать о том, что не можем изменить.

Аби, 2017

Сегодня после обеда прибывают гости, так что мы с Сарой срезаем в саду цветы, чтобы расставить их в спальнях и главной гостиной, и собираем травы, которыми она приправит сегодняшний ужин. Она объясняет, что они нанимают сторонних поставщиков еды и профессионального флориста для торжества в шатре, а она со своими сотрудниками занимается повседневной готовкой и хозяйством. До переезда во Францию она была ландшафтным дизайнером, и ее талант замечен повсюду вокруг.

Под защитой стен сада она разбила длинные грядки, плотно засаженные садовыми цветами: растрепанными пионами и душистыми розами, голубыми звездочками дамасской чернушки и пеной чубушника. Мы наполняем ими корзинки и возвращаемся на кухню, чтобы расставить их в Сарину коллекцию красивых ваз и кувшинов, собранных по блошиным рынкам. Они украсят прикроватные столики в спальнях гостей.

Садовник Жан-Марк машет нам со своего мини-трактора, скашивая полосу на полянке кустарниковых хризантем, выращенных с одной стороны от шатра. По этой дорожке жених и невеста смогут пройти в самый центр поляны белых цветов – идеальный фон для впечатляющих свадебных фотографий.

Вдоль дорожек, ведущих к капелле, сараю и бассейну, Сара с Жан-Марком посадили лаванду, кое-где перемежая ее с пушистыми белыми цветами на длинных стеблях (гаурой, говорит Сара), которые словно бабочки танцуют над синим маревом. Плетистые розы кремового цвета свисают над каменными постройками и вокруг окон, а в теплой полуденной тишине витает божественный аромат глицинии.

– Какая романтическая обстановка, – замечаю я, представляя, как этот фон, должно быть, обрамляет на фотографиях прекрасных невест и щеголеватых женихов. Разительный контраст с моим собственным свадебным фото. Мы с Заком позируем на ступеньках загса, пока его мать фотографирует на телефон. Она не скрывала, что, по ее мнению, сын мог бы жениться на ком-то гораздо лучше, чем няня без денег и семьи.

Я хорошо помню день нашей встречи. Он остался ночевать у семьи, в которой я тогда работала в Лондоне. Смело вошел на кухню, уверенный в себе, в идеально отглаженной рубашке (я только потом узнала, что он отдавал их в прачечную, но ждал, что новая жена будет приводить их в такой же безупречный вид в рамках своих супружеских обязанностей). Я пыталась с ложки накормить маленького Фредди спагетти и прибегла к игре, изображающей, как поезд заезжает в туннель. Все, лишь бы уговорить его доесть то, что оставалось в миске с изображением паровозика Томаса. На моей серой футболке были брызги соуса (от белых я отказалась через сутки работы няней, еще две семьи назад), а волосы были собраны в небрежный пучок, скорее практичный, чем элегантный.

Он потрепал Фредди по волосам (тщательно избегая каким-то образом попавшей в них нитки спагетти), а потом протянул мне руку.

– Зак Хоуз, рад познакомиться.

Пытаясь удержать миску и вилку, я вытерла липкие пальцы о джинсы и пожалала его руку.

– Я Аби. Няня.

Его голубые глаза, которые на первый взгляд показались мне немного холодными, вдруг сморщились от веселья, и я поняла, что он, оказывается, головокружительно красив.

– Ясно. Аби Няня, какая интересная фамилия! – отметил он и широко улыбнулся. Я в ответ на это от растерянности уронила миску спагетти на пол. Фредди захлопал в свои пухлые ладошки и радостно пролепетал что-то в одобрение, поднимая нитку холодных макарон и бросая ее на пол, чтобы внести собственный вклад в общий переполох.

– Так, – сказал Зак, – я подберу. А ты разберись с маленьким негодяем, пока он не разгромил все вокруг.

Стуча каблуками-рюмочками, вошла мать Фредди, которой явно не получить звание моего любимого работодателя.

– Что тут еще творится, Аби? Почему такой бардак? – резко спросила она. Заметив Зака, на четвереньках подбирающего спагетти с блестящего пола, она заговорила совсем другим тоном: – О, Фредди, надеюсь, ты не был плохим мальчиком! Аби отнесет тебя наверх и испускает.

Она старалась не подходить слишком близко к малышу, явно не желая рисковать и испачкать соусом свои бледно-розовые обтягивающие джинсы.

– Идем, Зак, это не твоя забота. Давай я налью тебе выпить. Оставь, Аби потом с этим разберется.

Он бросил на меня сочувственный взгляд. Фредди обхватил меня за шею липкими ручонками и запечатлел у меня на носу большой мокрый поцелуй со вкусом спагетти болоньезе.

– Ну, идем, лягушонок Фред, – улыбнулась я. – Посмотрим, есть ли сегодня в ванне крокодилы.

Неся наверх своего подопечного, я обернулась через плечо. Зак все еще оценивающе смотрел на меня.

И в тот момент, если я и задумалась об этом дольше секунды, я списала все на то, как на его лицо падает свет, хотя издалика казалось, что теплота лучится из его голубых глаз.

Элиан, 1939

Не в силах поверить в происходящее, в оцепенении взбиралась Элиан по дороге в шато утром первого понедельника сентября. Вчера днем – был золотой воскресный полдень – они с Матье сидели на берегу реки, наблюдая, как над водой танцуют стрекозы. Был тот момент дня, когда лучи садящегося солнца падают на речную гладь как раз под таким углом, чтобы тут же отскочить назад, как брошенные камешки, скользящие по поверхности воды. Один короткий миг вода переливалась золотом, бросая отражение на свисающие ветви деревьев – волшебным образом превращая листья в мерцающие золотистые сокровища.

Все закончилось так же внезапно, как началось. Наклон солнечных лучей изменился и цвета потускнели, сумерки начали затягивать реку своим покрывалом. Матье встал и протянул руку Элиан, помогая ей подняться на ноги.

Покой был внезапно нарушен звуком резко тормозящих велосипедных шин, из-под них градом полетели камешки и стали стучаться о стену сарая. Ив соскочил с велосипеда, так поспешно прислонив его к стене, что он тут же грохнулся на землю. Не пытаясь поднять его, Ив помчался к дому.

– Элиан! Матье! – закричал он, увидев, что они стоят под ивой. – Война! Мы объявили войну Германии!

От этих слов Элиан похолодела и задрожала, несмотря на теплоту вечера. Она так сильно и так долго надеялась, что ее дурные предчувствия окажутся беспочвенными. Хотя на самом деле знала, что этот момент наступит, и ужасная грусть охватила ее. Она инстинктивно потянулась к руке Матье и вцепилась в нее. Его крепкое рукопожатие успокоило ее, казалось, от него она наполняется силой. Она знала, что нужно оставаться спокойной, не поддаваться панике, поднимающейся в груди, чтобы поддержать семью и соседей в том, что грядет.

На следующее утро мадам Буан была в такой тревоге, что подожгла бриошь графа не один, а целых два раза. Элиан отправилась искать спасение в саду, проверяя пчел и собирая ингредиенты для сегодняшних блюд. Она добавила в корзинку щедрую пригоршню листьев лимонной вербены, зная, что та поможет успокоить взбудораженные нервы мадам Буан.

Граф большую часть дня провел в своей библиотеке, слушая радио. Элиан слышала обрывки новостей, когда приносила ему еду. Французские части разворачивались вдоль Восточного фронта, чтобы создать, как надеялись, непробиваемую линию для защиты границ. Великобритания тоже присоединилась к союзным войскам и привнесет в сражение свою солидную огневую мощь.

Граф всеми силами старался приободрить ее:

– Не волнуйся, Элиан. Наша армия быстро обратит их в бегство, особенно когда присоединятся соседи. И к счастью, твой молодой человек – фермер, так что его не призовут. Нужно будет сохранять уровень производства, чтобы кормить страну, пока идет война.

Но в том, как он это произнес, звучала деланая уверенность. Ему не удалось полностью замаскировать ужас, мелькнувший в его глазах, когда он снова повернулся к радио послушать очередную сводку новостей.

* * *

Сначала Элиан казалось, что страна затаив дыхание ждет, когда война начнется всерьез. Собирая из ульев остатки меда, она высматривала в небе над садом признаки вражеских самолетов. Но все было мирно, и ей было видно, как жители деревушки Кульяк в долине внизу занимают своими обычными делами. Когда осень сменилась зимой, жизнь продолжалась почти так же, как всегда.

Мирей приехала домой на Рождество, и Элиан была благодарна ее присутствию. Оно хоть частично заполняло пустоту, оставшуюся после того, как Матье уехал в Тюль провести неделю с отцом и братом.

На мельнице готовили обычный праздничный обед. Мирей крутила ручку мясорубки, а Элиан закладывала в нее кусочки домашней свинины. Фарш хорошо приправляли, а потом сестры заворачивали котлеты в тонкую, как кружево, свиную сетку²⁴, чтобы получились вкусные крепинеты. Их поджарят и подадут в начале обеда. Лизетт подготавливала петуха для запекания, и совсем скоро дом начал наполняться дивными запахами жарящегося мяса.

– Как бы я хотела, чтобы ты передумала, Мирей, – сказала Лизетт, собирая в ведро картофельные очистки для кур. Она беспокоилась о старшей дочери, продолжавшей работать в Париже даже теперь, когда страна официально находилась в состоянии войны с Германией. Но Мирей отмахнулась от ее опасений:

– Правда, мама, жизнь продолжается как обычно. Наши богатые клиенты все так же заказывают модную одежду, кафе и магазины открыты, и все идет по-прежнему. Это зовут *drôle de guerre*²⁵, шуткой, потому что вообще ничего не происходит. Наверное, нацисты понимают, что зашли слишком далеко, и начнут опять думать головой.

Та зима была невероятно суровой, самой холодной на памяти даже старейших жителей Кульяка. В начале января, когда поверхность реки замерзла и стала твердой, как железо, а запруда превратилась в лист чистого белого льда, Гюстав пошел в сарай завести грузовик и прогреть мотор. Пора было везти Мирей на станцию, ее выходные закончились.

Лизетт с трудом переносила расставание со старшей дочерью.

– Будь осторожна, Мирей, ладно?

– Не волнуйся, мам. Со мной все будет в порядке. Ты знаешь, я люблю свою работу. И потом, что я буду делать, если вернусь сюда? Я умру от скуки, если буду шить занавески и распускать пояса, – заключила Мирей и обернулась обнять Элиан. – Присматривай за ними, – прошептала она сестре. Та кивнула.

После ее отъезда Элиан поднялась на холм проверить пчел. Она улыбнулась, увидев, как те согревают свою царицу, сбившись вокруг нее в клубок и подрагивая тельцами, чтобы создать тепло. Подкладывая в ульи дополнительные запасы сахара, чтобы пчелам хватило энергии продержаться до наступления новой весны, она подумала, что *может быть, погода заморозила и войну, а не только землю*. Взглянув на север, она подумала о солдатах на линии Мажино²⁶, защищающих Францию от возможного нападения немцев. И пока она думала, ее замерзшие пальцы на ногах горели и зудели в знак солидарности с ними.

²⁴ Тонкая жировая мембрана, которая обволакивает внутренние органы некоторых животных. В кулинарии используется в качестве оболочки для колбас, мясных рулетов и паштетов.

²⁵ «Странная война» или «сидячая война» – период с 3 сентября 1939 по 10 мая 1940 года, характеризующийся почти полным отсутствием военных действий между сторонами.

²⁶ Система французских укреплений на границе с Германией.

Аби, 2017

– Вот и твоя первая свадьба позади, – говорит Сара. По всеобщему мнению, она прошла успешно, даже несмотря на то, что одна из подружек невесты перебрала просекко, помогая невесте наряжаться, и эффектно рухнула на пол, спускаясь по главной лестнице во время торжественного выхода. К счастью, она была во главе группы подружек, шедших впереди невесты, и своим падением никого не повлекла за собой. Не менее удачно и то, что во время падения она была в таком расслабленном состоянии, что кроме пары хороших синяков и разорвавшегося подола не получила серьезных повреждений. Карен и Сара увели ее в библиотеку, а там уложили на диван и поставили рядом с ней ведро. Я немного посидела с ней, пока она не очнулась. Услышав звуки вечеринки, доносившиеся из сарая, она, пошатываясь, отправилась танцевать – после того как я дала ей выпить большой стакан воды и, как смогла, заколола разорванное платье. Потом я посоветовалась с Карен, и та пошла сказать своему мужу Дидье, стоявшему за баром, чтобы он до конца вечера не наливал девушке спиртного. На следующее утро она появилась на завтраке в больших солнцезащитных очках, но в остальном, кажется, ничуть не пострадала.

Мы с Сарой моем окна, открыв их настежь, чтобы свежий воздух стер запах духов и лосьона после бритья, оставшийся в спальнях после недавно отбывших гостей. Теплый ветерок заносит вместо резких химических запахов божественный аромат глицинии. Ее свисающие соцветия стекают по перголе, накрывающей террасу под нами.

– Как тебе работа? – спрашивает Сара, когда я стираю последние разводы со своего стекла.

– Мне очень нравится. Не уверена, что я уже готова столкнуться с целой толпой, но я могу заниматься закулисными делами, если это устраивает вас с Карен.

Она кивает, выжимая тряпку над ведром мыльной воды.

– Не волнуйся, мы не станем сразу же бросать тебя в самую гущу событий. Пока привыкай. Ты быстро все схватываешь, и твое присутствие здесь для всех нас огромная помощь. А пока, если протрешь зеркало и плитку в ванной, я начну соседнюю комнату.

Я стараюсь как можно быстрее закончить работу, чтобы догнать Сару и попросить ее рассказать мне больше об Элиан, той девушке, которая, как и я, когда-то жила в мельничном доме и работала в шато. Протирая зеркало, я обращаю внимание на свое отражение. Щеки все еще впалые, а синяки под глазами кажутся еще темнее под ярким верхним светом. Но на скулах появился легкий румянец, а ключицы больше не выпирают так сильно, как раньше. Свежая обильная пища, которую я помогаю готовить и подавать трижды в день, идет мне на пользу. Энергично протирая стекло, чтобы оно блестело (энтузиазм, с которым работают Сара и Карен, заразителен), я замечаю, что на моих загорелых руках стали заметны мышцы. Мне нравится то новое для меня ощущение силы, которое мне это дает.

В конце каждого дня, после того, как ужин убран со стола, я спускаюсь вниз по холму к мельнице и какое-то время сижу, укрывшись под пологом ивовых листьев, наблюдая, как мимо тихо плывет потемневшая река. Эти минуты полного спокойствия словно бальзам для моей души. Они снимают напряжение в теле и тревогу в голове, которые я так много лет повсюду носила за собой. Когда по вечерам я поднимаюсь по деревянной лестнице в свою комнату на чердаке, мышцы у меня ноют от приятной усталости после физической работы, а не от стреляющих болей хронического стресса. А потом, лежа под москитной сеткой в мягком свете луны, я погружаюсь в спокойный глубокий сон, какого у меня не было очень-очень давно, и засыпаю под аккомпанемент журчания реки и тихого уханья сов в деревьях на берегу.

Лишь раз в течение последней недели я проснулась в темноте, задыхаясь и дрожа после одного из кошмаров, которые раньше посещали меня каждую ночь. Я испугалась еще больше,

сначала не в силах понять, где нахожусь. Но затем свистящая песня птицы призвала меня, напоминая, что я в безопасности под своим пологом из сетки, что я пережила еще одну ночь и скоро будет рассвет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.